

ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 5 (1962)

31 ЯНВАРЯ 1965

Далеко видны огни Дома культуры.

Когда пляшет Анна Дмитриевна Ерофеева, в зрительный зал не пробиться!

КОГДА НА ДВОРЕ

Подмосковье, засыпанное снегом. Растут сугробы, горят огни колхоза «Борец». Колхоз знаменитый, богатый.

В избе жарко натоплено, в избе светло. Скрипит неумолчный сверчок, стучат «ходики». Еще рано, еще день, а на дворе стемнело. На дворе метет январская метель. На улицу мама не пускает, но если подышать на стылое стекло, если прижаться к нему, не жалея носа, вглядеться в сгустившиеся сумерки, то увидишь, чем живет колхозная улица в долгий зимний вечер...

Таня забралась на стол, жарко дышит на морозные узоры стекла. Вот ребятишки бегут из школы, они в снегу с ног до головы. Снег и в валенках, поди, и в портфелишках, а им все мало. А в Доме культуры уже зажглись огни. Сегодня — «Председатель», две серии, это про колхоз. Скрипит сверчок в избе, скрипит снег на улице — колхозники идут кто в библиотеку, кто за малы-

Фото А. БОЧИНИНА.

Сейчас бы салазки взять — да на горку...

Гудит ветер в трубе, гудит-поет самовар. Колхозницы М. И. Антонова, А. Н. Гуненкова, Л. П. Горохова на пенсию вышли.

шом в садик, кто к соседям посумерничать, а бригадиры — в правление на наряд, а механизаторы — на свои курсы. Интересно вот так смотреть на улицу и угадывать, чем живет деревня, когда на дворе метель. Только подхватывают сильные теплые руки матери размечтавшуюся девчонку, несут от голубого экрана оснеженного окна — спать пора...

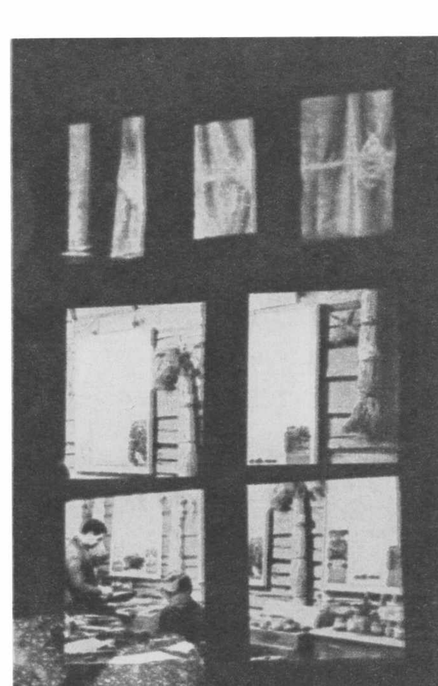
Стучит за окном колотушка сторожа. На одном месте стучит: дедушка хитрый, никуда от светлого фонарного круга не уходит.

Н. БЫКОВ

Скоро двадцать лет, как война кончилась, в деревне снова много мужчин.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

В ПЕСНЕ — ДУМЫ...

Материнской первоосновой поэзии было и есть восхищение жизнью как чудом, желание людям добра, борьба за все лучшее, что заложено в человеке. Тут не может быть места притворству.

Мустай Карим пришел в поэзию искренним в своей доброте и радости, с душой, готовой откликнуться всему сущему: «Когда б умел, я ласточке ответил, заговорил с ней голосом птенца».

Вся поэзия Карима военных лет — а он по-настоящему раскрылся в годы войны — искрилась светлым оптимизмом. Нет места ни унынию, ни ожесточению. А на сомнения женщины: «Вероятно, в камень от разлуки мужские превращаются сердца» — он отвечал:

Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

Вернувшись с фронта тяжело раненным, он потом сказал о войне так, что его боль становилась нашей:

Тяжелый снег идет три дня.
Три дня подряд,
Три дня подряд.
И ноет рана у меня
Три дня подряд,
Три дня подряд.

Чем глубже делается понимание жизни, тем совершеннее становится М. Карим как поэт. Вместе с глубиной чувств появляется изящество формы, художественная завершенность, энергия стиха. Реалистическая романтика, свойственная Кариму, не дает его герою застыть на одном чувстве, побуждает к непреклонной решимости:

Ты говоришь, чтоб я себя берег
Для нашей жизни в будущем немного,
Но я всю жизнь, как конь, не чуя ног,
Скакал на скачках по степной дороге.
А смерть придет — я смерть не обвиню.
Не первый я, и некуда мне деться.
Вот мне тогда упасть бы, как коню
На состязаньях, от разрыва сердца...

Мысль поэта рвется к объемности, к обобщениям.

Человек, вселяющий в людей радость и надежду, друг, готовый радоваться твоим радостям и драться с твоей бедой, как со своей, сердце, ненасытное и всем нужное, черная земля, что поит белизну цветов,— вот любимые образы поэта. Он славит тех, кто держит землю на своих плечах, отвергает разъединенность, поет об открытой, всемогущей улыбке: «Что на земле и окрик и приказ — улыбка их сильнее во сто раз». И где бы он ни был, он всегда несет с собой поэзию дружбы и братства.

Когда кусок пути, что мне назначен,
Тот, что зовется жизнью, прохожу,
В глаза людей, как в звезды, я гляжу
И слышу: так держать, и не иначе!..

Вот девиз и философия поэта.

Азат АБДУЛЛИН

Мустай Карим. Реки разговаривают. Стихи. Сказки. Поэмы. Перевод с башкирского. «Советский писатель». Москва. 1964.

ПЕВЕЦ БОЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Вернувшись из дальних походов на родную землю, поэт снова увидел при дорогах ромашки, тихие ивы над зеркальными водами реки, зеленые с синим фуражки пограничников, знакомого аиста на крыше. И защемило сердце при виде белых изб под серой соломой, развороченных снарядами большаков; вспомнились те, кто не дожил до победы.

Иные пейзажи, иные «красоты» видели советские солдаты за границей: «...гладкие реки шоссейных дорог, дачи стеклянные под черепицей, чистенький, жадный мирок».

В «Книге ровесников» Е. Долматовский писал по этому поводу:

Что нам чужеземные богатства?
Перед правдой все они гроши!
Гордо утвердив законы братства,
Не торгуем золотом души.

Теперь, когда «молчат мортиры и висят, качаясь, судьбы мира на больших весах добра и зла», поэт не может простить никому малейшей идейной неустойчивости. А ведь приходится давать отповедь «молодым людям», которые «хоронят» представителей боевого поколения, спасших мир от смертей и пожаров. Поэт советует этим «мальчикам» научиться вырыть своими руками хоть один окоп. Не забыть этих лет, незаживших ран войны. Не забыть и произвола культа личности, о котором мужественно пишет поэт:

А маршалы, что на расстреле
Убийце славословье пели,—
Ужели лгали и они?

На бездорожье обрекает свою жизнь тот, кто «считает ложью» «общий клич в бою», кто сомневается, что мы «сберегли наследство — «Авроры» перекатный гром».

Сборник Е. Долматовского «Стихи о нас» выдвинут на соискание Ленинской премии. Хочется пожелать, чтобы популярный советский поэт был удостоен этой награды, ибо его стихи и песни вошли в плоть и кровь людей нашего времени. Поэт — новатор, первооткрыватель многих тем — внес немалый вклад в дело борьбы за мир, в дело построения коммунизма.

Б. КАРГИН

Ростовская область,
г. Шахты.

Стучит колотушка дедушки Василия Пасхина. Далеко слышно: мороз.

Агрономы думают о весне.

В гостях у соседей

Советская парламентская делегация направляется к мавзолею Ататюрка для возложения венка.

Недавно в Турции побывала с ответным визитом по приглашению Великого национального собрания Турецкой Республики советская парламентская делегация во главе с членом Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

Советская делегация встречалась с Президентом Гюрселем, Премьер-министром Иненю, представителями обеих палат парламента, государственными и общественными деятелями, простыми людьми Турции.

Советские гости совершили поездку по стране. Всюду их принимали приветливо и радушно. В этом проявились добрые чувства наших турецких соседей к советскому народу, их стремление к миру и дружбе, глубокое удовлетворение тем, что в последнее время отношения между Турцией и СССР развиваются благоприятно.

Член делегации Герой Социалистического Труда В. Гаганова беседует с турецкими работницами на одной из текстильных фабрик Стамбула.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ПОБЕДИЛ КОРЧНОЙ!

С. ФЛОР, международный гроссмейстер

На шахматных чемпионатах Советского Союза вопрос о победителях обычно решается в самом последнем туре, а иногда и в «добавочное время». XXXII первенство СССР в Киеве является исключением: уже после 14-го тура вопрос о победителе был, в сущности, решен. Ленинградский гроссмейстер Виктор Корчной начал турнир в невиданном темпе: из 11 партий он набрал 10 очков! Среди побежденных Корчным находится методичный Ю. Авербах, хитроумный и оригинальный Д. Бронштейн, опасный Е. Васюков, экс-чемпион мира М. Таль, который почти всегда проигрывает новому чемпиону страны, и даже Р. Холмов. «Даже» говорю потому, что до сих пор в 15 сыгранных партиях Корчному не удалось разгрызть сочинский крепкий орешек. В Киеве В. Корчному это наконец удалось.

Виктор Корчной был победителем XXVII и XXX первенств страны. Третью золотую медаль в Киеве он завоевал в возрасте 34 лет.

М. Ботвинник считает В. Корчного шахматистом универсального стиля игры. Его

В храме святой Софии в Стамбуле у одной из колонн не хватает камня. Он выцелован мечтателями. Четырнадцать веков человеческие уста припадали к мертвому мрамору, чтобы исполнились желания.

Огромный бурлящий город, расположенный сразу на двух континентах, нацеливает в небо свои минаретоносные ракеты. У их подножия — шумные, говорливые, нисколько не похожие друг на друга люди. Они несхожи лицами, занятиями, возрастом, мыслями.

Одни всю жизнь носят по улицам блестящие медные самовары с ледяной водой, другие разгружают и нагружают в разноязыком порту корабли под флагами всех стран мира, третьи чинят башмаки у порогов кофеен, четвертые ловят в море рыбу и привозят ее на шумные стамбульские базары, пятые работают у грохочущих станков на текстильной фабрике.

Не знаю, прикладывался ли кто-нибудь из них к камню в святой Софии, но большинство людей на улицах Стамбула — мечтатели.

Мечты у них большие и маленькие, фантастические и вполне земные, практичные. Но если можно было бы соединить их в одну большую мечту людей двухмиллионного города, для выражения ее основы, наверное, не понадобилось бы много слов. Ведь чтобы у чистильщика сапог было много клиентов, нужен мир; чтобы в порт заходило больше кораблей, тоже нужны мир и дружба с соседями; чтобы мальчишка, запускающий змея на улице, вырос и стал взрослым мужчиной, тоже нужен мир.

Не думайте, что эти маленькие, вечно занятые, спешащие люди в суете своих дел забывают о самом главном. Нет! Они тревожатся, когда союзники Турции (формальные союзники не всегда друзья!) пытаются вовлечь ее в ссоры с соседями. Они радуются, когда улучшаются отношения их родины с Советским Союзом — большим и могучим соседом Турции.

Мечты разные, но основа у них одна — мир.

Фото Г. БОРОВИКА.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Ровесницы Республики.

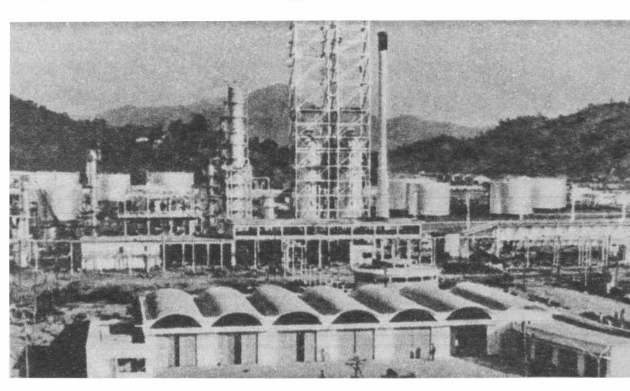
Фото Дм. Бальтерманца и ТАСС.

Индия торжественно отметила пятнадцатилетие со дня провозглашения Республики. Эти полтора десятилетия были для страны временем больших перемен, с которыми неразрывно связано имя выдающегося политического деятеля Джавахарлала Неру.

Республика Индия взяла курс на дальнейшее укрепление своей экономики, поддержание мира на земле.

С каждым годом становятся все более тесными связи Индии с Советским Союзом. Премьер-министр Республики Лал Бахадур Шастри выразил надежду, что советско-индийское содружество будет расширяться на благо обеих стран.

Нефтеочистительный завод в Гохати.

дебютный репертуар разнообразен, попасть под его атаку нельзя пожелать никому. Часто кажется, что вот-вот мат получит сам Корчной, но нет! И тут сказывается, пожалуй, самая сильная сторона в его игре: невероятная цепкость в защите и активная контригра, в которой новый чемпион страны просто страшен для соперника.

Поражение никогда не смущает Виктора Корчного. Обычно после проигрыша следует залп очередных побед. Правда, в Киеве это качество он не смог продемонстрировать. В. Корчной — единственный участник чемпионата, сумевший пройти тяжелую и длинную дистанцию без единого поражения!

Читатель вправе задать вопрос: если В. Корчной действительно такой «страшный», то почему же его не видно среди участников турнира претендентов? Он неудачно выступал в нашем зональном турнире и поэтому в теперешнем розыгрыше первенства мира не участвует. Но его поклонники уверены, что в следующем цикле, который начнется в 1966 году, В. Корчной с новыми силами и присущей ему энергией опять включится в шахматную кампанию на высшем уровне.

ГОЛОС ДРУГА

Советский читатель получил в январе этого года еще один журнал, услышал еще один голос друга.

«Югославия» — так называется новый иллюстрированный ежемесячник на русском языке. Отныне он будет выходить постоянно.

Перед нами первый номер «Югославии». Красочная обложка празднична. На страницах много интересного, повествующего о делах, помыслах и свершениях народов Социалистической Федеративной Республики Югославии, о давних дружественных связях с нашей страной, скрепленных кровью в совместной борьбе в суровые военные годы.

Как живет Югославия сегодня? Нам поможет совершить путешествие по стране большой фоторассказ, снабженный цветными вкладками.

Читатель найдет в новом журнале новеллу Михаила Ламича, одного из лучших современных югославских новеллистов, и увидит творения известного скульптора Антуана Августинчича.

Кто был Бранко Вукелич? С интересом читается увлекательный рассказ о соратнике Рихарда Зорге...

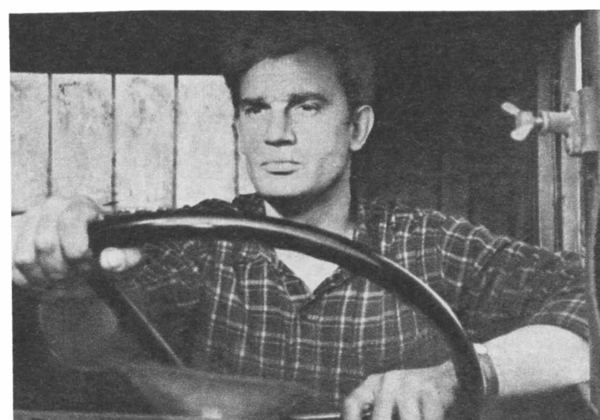
«...«Югославия» в своих последующих номерах,— говорится в редакционном обращении к читателю,— постарается через людей и события показать, какой была история югославских народов, какими были их культурные, художественные и научные достижения в прошлом, и вместе с этим показать, какой стала Югославия ныне...»

А. Шенгелая — Вера Шеина. «Гранатовый браслет».

Н. Дробышева — Поля. «Русский лес».

Е. Урбанский — Пронякин. «Большая руда».

ТАЙНЫ ЭКРАНИЗАЦИИ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Не экранизируются в наше время только лирические стихотворения. Чуть ли не все остальное можно встретить на экране кино — от многотомного романа до крохотного журнального рассказа. Зрителя в общем-то уже приучили к этому, и он, читая полюбившуюся ему новую или перечитывая любимую старую вещь, все чаще говорит, что вот, мол, она на экран так и просится!..

Однако кинематография не имела бы никакого отношения к искусству, ежели бы могла воссоздавать любой образ, любой сюжет с механической легкостью. В искусстве ничего не бывает по второму кругу, по пройденному пути. И экранизация вовсе не второе рождение, не второе открытие, как иногда ее называют. Именно степень **первичности**, свежесть открытия определяет успех или неуспех экранизации.

Произведение кино точно так же, как произведение литературы, всегда как бы творит искусство заново. Творит впервые, вместе с читателем и зрителем; образ рождается, крепнет, опираясь на мысль человека, на его душевную, сердечную способность к сотворчеству. В этом главнейший секрет, главнейшая радость всякого искусства. И как бы ни была верна, точна иллюстрация — любая! — она оставит людей равнодушными, если ее автор не осмысливает явление заново и не зовет нас к этому.

«Гамлет» Григория Козинцева—вот завидный пример творческой смелости в экранизации.

Удачно экранизированы были и «Живые и мертвые», «Тишина». Всем понравился «Порожний рейс», взволновала «Родная кровь»... В фильмах этих было то, что привлекает сердца людей: правдивые судьбы, острые нравственные коллизии, столкновения характеров, крупные, запоминающиеся образы.

Невольно начинаешь вспоминать и о прежних значительных, запавших в сердце экранизациях, среди них, конечно, «Битву в пути» с великолепным М. Ульяновым в главной роли, «Большую семью» по кочетовскому роману о рабочих Журбиных. Здесь жила большая тема, жили настоящие люди, достойные всеобщего внимания.

Думалось, что и Е. Урбанский, играя шофера Пронякина в фильме «Большая руда», также сделает картину событием.

Казалось, тут были налицо все необходимые слагаемые: заинтересованная работа над сценарием самого автора повести Г. Владимова, опыт и умение режиссера В. Ордынского, хороший вкус оператора Г. Лаврова.

Фильма ждали с интересом и волнением.

Увы, скажем сразу: ожидания не сбылись. Словно самый нерв, движущий событиями повести, намертво убит в картине. И та приблизительно верная, но блеклая оболочка, которую предлагают смотреть зрителям под названием «Большая руда»,— всего только скучный, на удивление обедненный пересказ событий, уловленных лишь односторонне, обрисованных лишь по поверхности...

Спору нет, шофер Пронякин внешне угадан в Урбанском блистательно. Но, повторяю, только внешне. Внутренней жизни у героя просто не оказалось. Отсюда и возникли многие утраты, порой необратимые.

Авторы фильма, видимо, переоценили художественные возможности «реальной» съемки на Курской магнитной аномалии.

Дав Е. Урбанскому подлинную обстановку, в которой действует Пронякин, они не сумели, однако, заставить эту обстановку «играть на Пронякина», то есть соподчинить ее образу героя, найти между ними скрытую, тайную, но очень важную, незримо существующую связь. Более того: они вовсе неправомерно отняли у артиста все скрытые житейские заботы его героя. Оставили где-то за экраном круг мыслей, дум, воспоминаний, размышлений Пронякина... А ведь та «большая руда», до которой в конечном-то счете — пусть даже ценой своей гибели! — докапывается Пронякин,— это именно и есть его большая душа, вдруг раскрывшаяся жадно и радостно навстречу большой жизни людей.

К тому же, что тоже очень важно, душа Пронякина —это отнюдь не только он сам, это еще и люди вокруг него... Мы можем сетовать на свое человеческое окружение или радоваться ему, но в чем-то главном оно всегда достаточно красноречиво говорит о нас самих. И, по-моему, пронякинская «женулька», показанная авторами фильма как нечто вовсе не существенное, чрезвычайно бегло, мимоходом,— это такая огромная потеря, о которой даже говорить обидно. Как щедро могла бы здесь развернуться превосходная актриса Инна Макарова!.. Ведь это ради своей женульки гнал и гнал «рублики» Пронякин. Заботясь о женульке, он и искал на земле не **местечка** повыгодней, но **места** потверже и попрочней.

Читая повесть, угадываешь, что и сама-то женулька, может быть, тоже смогла бы стать человеком возле человека... В фильме же ничего этого нет. Женулька приезжает, когда Пронякина уже хоронят; Пронякин погиб — вот и все.

Тяжело груженная рудой — первой «большой» рудой, добытой на КМА,— машина Пронякина на глазах у зрителей жестоко и беспощадно рушится в карьер, сорвавшись на крутом повороте мокрой, грязной, осклизлой дороги...

Пронякин летит в бездонную пропасть карьера; его «мазик» жутко перевертывается — раз, другой, третий... Те, кто знает повесть, накрепко зажмуриваются. Со страхом, бессознательно они ждали этого с самых первых кадров фильма— так уж он построен. Главным в картине стала не история роста души человека, героя, а дотошно, во всех подробностях раскрытая история несчастного случая в карьере КМА.

Мрачные аккорды еще больше подчеркивают обреченность Пронякина и как-то по-своему подытоживают тоскливую безысходность финала; музыка композитора М. Таривердиева неожиданно придает здесь образу Пронякина

глубокую значительность. Но значительность не жизни, а смерти. Нужно ли это было?..

...Траурное звучание музыки М. Таривердиева опять поражает, когда смотришь фильм «До свиданья, мальчики». Здесь она берет тебя за сердце, эта музыка, с самого начала — с первых же кадров, когда начинаешь вслушиваться в мужской голос, поющий за экраном... Нет, он даже не поет, просто напевает нечто унылое без слов, какое-то бессвязное «ля-ля, ра-ра» — все снова и снова. Смутные, невыразимо печальные обрывки то возникающей, то ускользающей мелодии. Певец временами умолкает, потом опять принимается грустно мурлыкать вполголоса. А слова так и не появляются, видимо, они здесь и не нужны... И как-то удивительно точно отвечает эта болезненная, нарочито небрежная, отрывистая и незаконченная музыка всему настроению, всей стилистике картины, такой же подчеркнуто раздерганной, рассыпающейся, местами просто невнятной, а в целом тоскливой, щемящей душу...

В отличие от «Большой руды» с ее локальностью фильм «До свиданья, мальчики» построен главным образом на обобщениях. Поэтому герои картины — те самые «мальчики», о которых идет речь,— порою будто бы даже вовсе утрачивают живую индивидуальность, личные приметы характера, а воспринимаются как некая живая частица обреченного поколения, над которым неотвратимо, с самого детства нависла гибель, злая беда.

Совсем еще дети, трогательно узкоплечие, с хрупкими, длинными шейками,— все равно они обречены... Уже маршируют по земле, маршируют все грозней, маршируют уже совсем рядом гитлеровские солдаты с тупыми мордами убийц и пустыми, невидящими глазами.

Кадры кинохроники врезаются в жизнь мальчиков, будто не по режиссерскому велению и не по замыслу монтажера, а как неотвратимый перст судьбы... Мальчики резвятся на море, а морская волна равнодушно — подобно самой судьбе — слизывает с песка следы узких детских ног... Пронзительно кричат чайки. И вновь — детские лица; светлые, ясные, невинные глаза; мальчики заучивают наизусть слова Конституции о правах советских людей. Но какие уж там права в печальное время репрессий!.. Тут же рядом возникают какие-то нелепые фигуры немолодых людей, толстых, мокрых и потных. Карикатурные стахановцы усердно возят кирпичи на тачках; убогий оркестр, нещадно фальшивя, приветствует «передовиков»...

Все эти кадры-воспоминания возникают на экране размытыми и нестройными, какими-то случайными наплывами, как у Феллини в картине «Восемь с половиной». Мало-мальски связной истории самих мальчиков в фильме нет: лишь краткий сухой текст в титре сообщает, что один из них убит под Ржевом, другой посмертно реабилитирован...

Неизвестно, чем жил, что делал третий «мальчик»—тот, кто рассказывает нам все это, волнуясь и сбиваясь; мы угадываем только, что сам он потерял все, что у него было: юность, друзей, счастье, любимую девушку, мать...

Но вот об образе матери необходимо сказать подробнее. Ее играет чудесная актриса МХАТа Ангелина Степанова. Она показывает неустроенную, одинокую, строго одетую женщину, целиком отдавшую себя общественным заботам. Сдержанная, скупая на ласку героиня Степановой светится, однако, удивительным человеческим, душевным светом. Трудно даже понять, чем достигает актриса такой силы воздействия. Хрупкая фигура, аскетическое лицо, скорбный рот, скупая улыбка. А в глазах Надежды Александровны, сыгранной Степановой, бесконечная доброта, ум, понимание... Идет, идет она, все ускоряя шаг, за поездом, провожая мальчиков. Потом бежит, завороженно глядя на уходящий поезд, пытаясь догнать его... Да нет, не догонит!.. И уже никогда больше Володя не увидит свою мать...

Вновь непереносимая горечь, тягостная боль сердца становятся основным мотивом фильма, хотя в образе Надежды Александровны — в нем одном! — ведь находилась же все-таки та сила, которая определяла жизнь, окружавшую мальчиков. И которая позволила этой жизни не только устоять. Но победить!..

У Бориса Балтера, на мой взгляд, именно здесь таился лейтмотив повествования, зарождались самые важные для произведения интонации, его атмосфера и настроение. Но вот на, поди, в фильме все — и атмосфера и настроение — совсем иное, болезненное, скорбно-фатальное. Роковое.

...«Русский лес» по роману Леонида Леонова, поставленный В. Петровым, обещал стать настоящим праздником красоты.

Когда шла съемка картины, удалось добыть несколько отдельных кадров в цвете. Они вполне могли служить реальным подтверждением самых радужных надежд; разве только казались немножко более яркими, чем хотелось бы, учитывая особую, философскую основу произведения.

Но вот фильм вышел на экран... В итоге — смущение, досада, разочарование... Ибо чем точнее следуют авторы фильма «букве» романа, тем огорчительней, непоправимее утрачивают самый его дух.

Вновь дотошный пересказ убивает такой сложнейший «компонент» произведения, как сильная и смелая мысль его. Ведь это она вела нас по страницам романа, погружая в стихию леоновской прозы и доставляя радость сопереживания, сотворчества... В фильме же возникают перед глазами излишне яркие, оперно красивые детали, частности. Их, бесспорно, узнаешь: да это взято из романа! Но узнаешь, словно обрубки некогда живого тела,— им уже не ожить!..

Всякое искусство условно. А кино при всей своей кажущейся безусловности и жизненной правдивости все же, пожалуй, гораздо условнее, чем театр. Ведь даже на «голой», условно оформленной сцене убедительный, сильный актер заставит нас верить всему происходящему. На экране же героя должна сопровождать как будто «безусловная», но на редкость точно и умно отобранная обстановка. Причем не только все вещи, но и пейзаж должен «играть», звучать точно и выразительно.

Как же глубоко это чувствуешь, глядя «Русский лес»!.. Но чувствуешь негативно: чем «безусловней» снимают операторы И. Гелейн и В. Захаров чарующие пейзажи, тем меньше остается в них леоновского, особого смысла. Того смысла, который в романе-то имеет самое прямое касательство ведь не к деревьям, а к людям, занятым этими деревьями!..

Вот какая сложная душевная связь оборвалась, утратилась при экранизации. В общем, получилось прямо по народной поговорке: за деревьями «Леса» в фильме не видно, а видно лишь нечто вовсе постороннее Леонову, его мысли, его душе, раскрывающейся навстречу нам всем в романе.

...Душа любого произведения. Возможно, это она составляет непостижимую тайну экранизации! И, кажется, совсем просто ее перенести на экран, если только послушно снимешь кинокамерой все то, что есть в произведении. Лишь следуй неотступно за автором — повторяй слова, жесты, движения, обстановку... И все родится вновь само собой.

Ан нет! Не родится...

Уж на что, казалось бы, заманчиво было провести по синему морю корабль на алых-алых, самых алых, какие только можно себе вообразить, парусах,— и оживет заветная мечта Александра Грина — его добрая, лукавая, бесконечно светлая и мудрая сказка. Но тоже ведь ничего не вышло. И самое расточительное нагромождение красного шелка на экране отнюдь не компенсировало утрату необыкновенной души героев, рождавшей ощущение чуда в бесконечно поэтическом гриновском рассказе.

Та же беда постигла героев новой картины «Мосфильма» — «Гранатовый браслет».

Скажу сразу: я не думаю, что «Гранатовый браслет» — такой, каким увидел и показал его режиссер А. Роом,— не найдет своего зрителя. Напротив, обязательно найдет! Да еще и отзывчивого, который всласть наплачется над судьбой чиновника-неудачника, самоубийцы Желткова. Впрочем, тут же и забудет о нем, как забывают все заурядное...

Главный герой «Гранатового браслета» — того, что написан А. Гранбергом и А. Роомом,— к сожалению, не получил от них главного — силы. Непостижимой, неброской, скрытой силы, составляющей глубокое, неизгладимое очарование и жизни и смерти Желткова в произведении Куприна.

Герой Куприна уходит из жизни — упрямый, несломленный, повторяя любимой, как богу: «Да святится имя твое»... Очень славный, чистенький и прибранный Желтков кинофильма, сыгранный И. Озеровым,— прямо-таки воплощение всяческой добродетели! Но он беспомощен, слаб и застенчив; сердобольные тетушки с детства вещают о таких,— дескать, «не жилец». К тому же не везет по начальству...

Мы становимся свидетелями всевозможных обид и несправедливостей, причиняемых добродетельному Желткову. Каждому ясно, что герой и помимо своей злополучной любви к красавице княгине Вере Шеиной — ее играет А. Шенгелая — безмерно угнетен. При неправедном царском строе ему, конечно же, один путь — в могилу!..

Создателей фильма уж никак не упрекнешь в том, что они просто взяли да пересказали «Гранатовый браслет», как он есть,— языком цветного кино. Нет, додумали, досказали, развили, пополнили... Заострили социально... Ввели образ самого Куприна, деятельно занимающегося несчастным Желтковым, вспомнили «Листригоны», «Гамбринус»... И, несмотря на все эти хлопоты, свели историю Желткова к частному самоубийству, почему-то вдруг заинтересовавшему Куприна...

Впрочем, сам Куприн стал наиболее интересной и живой фигурой в безжизненном фильме. Именно он заставляет найти здесь какую-то радость открытия, движение мысли...

Видеть Куприна при его жизни мне не доводилось, но я хорошо знаю жену Куприна, Марию Карловну Куприну-Иорданскую.

Каждый, кто встречал когда-либо эту замечательную женщину, обязательно влюблялся в нее... Покоряла она неунывающим нравом да редким умением переносить бесчисленные жизненные передряги с неизменным достоинством... «Передряг» всегда оказывалось больше чем достаточно, но Мария Карловна, по своему обыкновению, бывало, говорила о них так, что все вокруг начинали хохотать, больше же всех она сама. А потом, отсмеявшись, отдышавшись, откашлявшись, вся еще разморенная смехом, вытирала лоб и глаза, переводила дух и заключала хрипловатым, прокуренным басом:

— Будто руками душу взяли!..

Милая, на редкость выразительная поговорка эта служила у нее, как и у Куприна, в качестве похвалы чего-то. Отрицанием же была фраза:

— Нет, не покорили душу! Не взяли душу руками!..

Жаль, что Марии Карловне в ее 85 лет трудно посмотреть «Гранатовый браслет»! Фильм выглядит богато, даже роскошно. И уже одним этим на удивление отличается от скромного, задушевного рассказа. В картине так много цвета, так много музыки, так много выдумки!.. Всего много! Не хватает только мысли, только жизни, только характеров... Движется, движется перед тобой яркая панорама, а ты все ждешь, что она оживет — возникнут подлинные страсти и волнения... Но ничего такого не происходит; фильм кончается, кое-кто всхлипывает. Значит, не догадывается, что душу-то — по словам Куприна — все-таки руками не взяли.

2 февраля 1965 года исполняется 80 лет со дня рождения Михаила Васильевича Фрунзе — выдающегося революционера-ленинца, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, одного из организаторов Советских Вооруженных Сил.

Начав свою революционную деятельность с юных лет, М. В. Фрунзе дважды приговаривался царским правительством к смертной казни. В годы гражданской войны он проявил исключительное военное дарование. Огромны его заслуги в организации и строительстве Красной Армии, в создании советской военной науки.

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

М. Пахман, старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил СССР, прислала в редакцию две фотографии. Одна из них напоминает о том периоде жизни Михаила Васильевича, когда он был командующим войсками Украины и Крыма. М. В. Фрунзе сфотографирован среди летчиков 3-й Отдельной разведывательной эскадрильи. Второй слева от Фрунзе — молодой талантливый военачальник, командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир.

На обороте другой фотографии, недавно поступившей в музей, тесным, убористым почерком Михаила Васильевича написано четверостишие:

Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты —
Никогда не рассказанным
До последней черты...

Ниже следует дата: «Минск, 19 8/VI 17 г.» и подпись: «Михаил Александрович Михайлов (Михаил Васильевич Фрунзе)».

Снимок относится к тому времени, когда М. В. Фрунзе, находясь на должности начальника минской милиции, вел большую революционную работу. Действовал он тогда по паспорту и под фамилией Михайлова Михаила Александровича. Этот паспорт также является одной из реликвий музея. Долгое время М. В. Фрунзе носил эту фамилию и даже свои приказы войскам во время гражданской войны часто подписывал «Фрунзе-Михайлов».

Из Иванова в редакцию пришло письмо от нашего читателя Н. Невского. В конверте — фотографии М. В. Фрунзе.

«В 1919 году, в начале января,— пишет Н. Невский,— в фотографию Григорьева в гор. Иванове, где я в то время работал, пришла фотографироваться группа партийных работников по случаю отъезда Михаила Васильевича Фрунзе на Восточный фронт.

Мой хозяин в рождественские праздники был в нетрезвом состоянии и поручил сделать снимки мне. Я, конечно, смутился и очень боялся не угодить. В этот момент, как на грех, явилась женщина за своими фото, и они ей очень не понравились. Услышав ее претензии, Фрунзе сказал:

— Что ж, мастер, работаешь плохо и обижаешь клиентов? Себя-то изобразил красивым! — И показал на мой автопортрет, висевший для рекламы.

Недолго думая, я заявил, что здесь большую роль играет кресло, в нем любой снимок будет удачен, и стал просить Михаила Васильевича сфотографироваться именно в этом кресле.

Фрунзе сначала отказывался, но в конце концов согласился. Снимок ему понравился, и он заказал большое количество отпечатков; один из них хранится в Ивановском музее. Что же касается фотографии в бюст, снятой тогда же (я ее прилагаю), то она не была распространена, и только сейчас, к юбилею, я ее отпечатал. Посылаю вам и другой снимок — группы партийных работников, вместе с которыми Фрунзе пришел фотографироваться в тот памятный январский день 1919 года. Это члены президиума Иваново-Вознесенского губисполкома — Дианов, Королев, Любимов и Фрунзе. Снимок хозяин забраковал, и он хранился у меня в архиве».

И вот еще одно письмо, тоже из Иванова. Прислал его персональный пенсионер Геннадий Горбунов. На листочках плотного глянца столбики уже знакомого почерка. Это фотокопии стихов, написанных М. В. Фрунзе. Вот что сообщает о них Г. Горбунов:

«Не так давно мне посчастливилось встретиться со старой коммунисткой Верой Петровной Любимовой. Она была связана с Фрунзе по большевистскому подполью с 1906 года в г. Шуе. Вера Петровна вспоминала, как Михаил Васильевич любил поэзию, и даже представила мне стихи, написанные им в разные годы.

...Фрунзе встретился с Любимовой в Сибири, куда царские власти сослали ее на вечное поселение. Там он посвятил ей трогательные стихи, стихи о молодой женщине, отдающей лучшие свои годы делу революции.

Я смотрю на тебя,
Друг любимый, родной.
И в груди у меня
Сердце ноет тоской...
Наш расходится путь,
Расстаемся с тобой.
Но часть боли твоей,
Знай, унес я с собой.

Фрунзе передал Вере Петровне еще несколько других стихов. Одно из них называлось «Последняя ночь на каторге». Вот четыре строки из него:

Свобода, свобода! Одно только слово,
Но как оно душу и тело живит!
Ведь там человеком стану я снова,
Снова мой челн по волнам полетит...

...Украина широко отметила шестидесятилетие со дня рождения славной дочери польского народа, выдающейся советской писательницы, пламенного борца за мир Ванды Василевской. Многие годы ее литературной и общественной деятельности связаны с Украиной, с Киевом.

В день рождения писательницы на доме № 10 по улице Карла Либкнехта, где она жила, установлена мемориальная доска с портретом Ванды Львовны. Почтить ее память пришли рабочие, литераторы, деятели искусств, служащие, студенты. У дома состоялся митинг.

На следующий день памяти выдающейся писательницы был посвящен юбилейный вечер. С докладом о жизни и деятельности Ванды Василевской выступил Алексей Полторацкий. Волнующими воспоминаниями поделились с присутствующими литераторы Юрий Смолич, гостья из Польши Янина Броневская, московские писатели Евгений Поповкин и Семен Евгенов.

Ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. Котов передал представителям украинского Комитета защиты мира почетную Золотую медаль мира имени Жолио-Кюри, которой Ванда Василевская была посмертно награждена за выдающиеся заслуги в борьбе за мир.

Корреспондент «Огонька»
Д. ПРИКОРДОННЫЙ

г. Киев.

В. Богаткин. КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС.

ОСЕННИЙ ШТОРМ. БАЛТИКА.

В. Богаткин. ТАЛНАХ.

МАЙ.

ПУСТЬ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ ЕНИСЕЙ...

Лев ОШАНИН

Когда редакция «Огонька» попросила меня написать о Владимире Богаткине, я согласился с радостью. Согласился, хоть мне и не просто говорить о художнике, потому что я могу судить о картинах только как зритель. Согласился, потому что этот человек, проводящий больше половины жизни в пути, близок мне и сьоим многодорожьем и самими этими дорогами.

Как многие, мы с ним вместе видели и любили и московские переулки, и Мурманск, и старый Таллин, и пушкинские места, и незабываемые военные дороги... И, наконец, наши пути встретились, скрестились и переплелись на Енисее.

Я не знаю, как об этом надо говорить, чтобы получилось «профессионально», «искусствоведчески». Но скажу лишь, что Богаткин необыкновенно светел и сочен. У него острый рисунок и смелая кисть.

Недавно, около месяца назад, в Москве работала выставка этого художника. И я наблюдал людей, глядевших на богаткинский Енисей, богаткинскую Волгу, богаткинский Таллин... Люди невольно переносились туда с улицы Горького, как бы становясь участниками жизни, которая идет в дальнем енисейском селении Караул, или на Красноярской ГЭС, или в Таллине...

Трудно забыть небольшую картину Богаткина «Утренние сумерки». Много говорит она сердцу каждого, кто бывал, а особенно жил на Севере! Для меня это и Мурманск, и хибинская тундра, и Норильск, и Ленинград с его полусеверным небом.

Рисунки и офорт, акварели и автолитография, и снова акварели... Трудно сказать, чем лучше владеет автор! Все эти виды изобразительного искусства присутствовали на выставке. Но, пожалуй, больше всего привлекала к себе внимание акварель. Это — последнее увлечение и любовь Богаткина. И недаром народный художник СССР Н. Н. Жуков особо отметил именно богаткинскую акварель, порадовавшись мастерству своего младшего друга.

Именно акварелью выполнена Богаткиным большая новая работа, которую мы в какой-то степени делали с ним вместе.

Я уже сказал, что наши с ним пути встретились на Енисее. Тогда я знал Владимира Валерьяновича Богаткина, как и многие другие, главным образом по его юношеским военным рисункам. В частности, помнил те, что были посвящены штурму Берлина... И как было дорого, встретившись, вдруг понять, что мы о многом думаем одинаково, что отношение к миру, людям, времени, многие эстетические критерии у нас общие. Как было дорого, что мы говорим с художником на одном языке!

Почти сразу же после встречи Богаткин проиллюстрировал книгу моих песен «А у нас во дворе». А когда он попросил меня сделать стихотворные подписи к его большому акварельному альбому «По Енисею», оказалось, что я не должен ничего писать сызнова: до такой степени совпали мои енисейские стихи с его поэтическими пейзажами и картинами енисейской жизни.

Говоря о работах Богаткина, мне хочется отметить отдельно его дневники. Куда бы он ни поехал — будь то самый недалекий выезд, будь то самый дальний путь,— он везде и всюду ведет дневник. Такой дневник составляется из множества набросков с натуры — самых неожиданных или самых, казалось бы, обычных. Это и отдельные лица, и целые сцены, и пейзажи всякого рода. И все это связано остроумным, острым, прозаическим текстом. В этих дневниках видно огромное любопытство к жизни, множество судеб и биографий городов, строительств, рек, исторических памятников и людей.

Эти дневники не претендуют на полноту, но всегда правдивым, зорким штрихом рисуют наше время.

Выставка Владимира Богаткина показала, что автор вступил в самую лучшую пору своего творчества. Зрелый и умный мастер, влюбленный в родную землю и ее людей, он еще сделает очень многое.

Пожелаем же ему, чтобы всегда впереди у него был еще один Енисей — самый крутой и самый трудный.

Сергей НИКИТИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

I

Письмо со штампом нотариальной конторы в городе К. уведомляло Николая Николаевича о том, что бабушка его скончалась, завещав ему дом и все свое имущество.

«Роман!— подумал Николай Николаевич.— Нежданно-негаданно герой получает богатое наследство. Ну что ж! Все это можно обратить в деньги, махнуть к морю, пожить там широко, без оглядки на кошелек, или, поддавшись общему психозу, купить, например, «Москвич». Интересно, какое имущество могла оставить бабка? Несколько пронафталиненных салопов, швейную машинку «Зингер», подвесной умывальник, изъеденную древесным вредителем (как он, черт, называется?) горку?.. Славная была старуха. По кротости — прямо божья коровка».

И мысли Николая Николаевича унеслись далеко в прошлое. Вспомнилось ему, как не хотел он ехать к бабке, потому что безотчетно боялся всех старух, отождествляя их с бабой-ягой детских сказок, как впервые, закутанный до глаз в пуховый платок, вошел в ее кухоньку с русской печью, которую никогда не видел доселе, как бабка кинулась распутывать его, а он попятился и заревел блажью от страха, от вида ее коричневых, с синими жилами рук. Привезли его к бабке в К.— глубинный городок России,— потому, что началась война. Его родители тогда из простых врачей вдруг стали военными, и он расстался с ними больше чем на четыре года.

Была осень. Бабкин дом стоял среди лип, с них по ветру летели желтые листья; падали, вертясь на тонкой веточке с крылышками, вкусные семечки. Однажды бабка взяла широкую деревянную лопату и полезла через слуховое окно на крышу сбрасывать палую листву. Полез и Николай Николаевич. «Не подходи близко к краю, убьешься»,— сказала бабка. А он как увидел не заслоненное стенами, заборами и деревьями студено-синее осеннее небо со стаями ворон и галок, так и замер, вцепившись в косяк окна, так и взорвалась в нем печальным звуком какая-то струна, дрожа потом долго и затихающе. «Ты чегой-то такой тихий?» — спрашивала несколько раз на дню бабка, присматриваясь к нему и лаская. И наконец, по-своему истолковав его непонятную ему самому грусть, сказала: «Ничего, Коленька. Давай я научу тебя богу молиться. Вот ты и будешь молиться ему за отца-мамушку».

Летом бабка как-то примчалась, подхватывая юбки, с рынка и сказала, что на станцию привезли зверей. «Все бегут смотреть»,— задыхаясь, сказала она. Побежали и они. На станции дяди в синих брезентовых фартуках ставили на грузовую машину клетки со львами. Видимо, эвакуировался какой-то цирк. Гривастые, толстоносые львы были преисполнены величайшего равнодушия к толпе, как и подобает царственным особам. Всецело занятые своими думами, которые невозможно было прочесть в их тропически-дремотном взгляде, они неподвижно лежали в клетках и лишь изредка зевали или стряхивали лапами зеленых мух, жаливших им веки.

Густой, душный запах зверя в неволе ударил Николаю Николаевичу в ноздри... И с тех пор, когда случалось ему бывать в зоопарке или цирке, их запах неизменно вызывал в его памяти маленький городок К., бабкин дом, засыпанный золотыми листьями лип, и бабку, бегущую в развевающихся юбках на станцию.

«Славная была старуха»,— подумал еще раз Николай Николаевич.

II

Ясным, чуть остуженным утром начала августа приехал он в К.

Вокзальчик, который остался в его памяти средоточием суматошной, голодной и грязной эвакуационной жизни, был теперь вызывающе чист и декоративен: на привокзальной площади пышно вздымались клумбы с веселенькими бордюрчиками из анютиных глазок, стояли изящные киоски — газетный, табачный и кондитерский,— бегала маленькая мусороуборочная машинка огненно-красного цвета, да и вообще прежний избяной городок, как отметил, поднявшись в центр, Николай Николаевич, начал заметно отступать под натиском бело-розовых

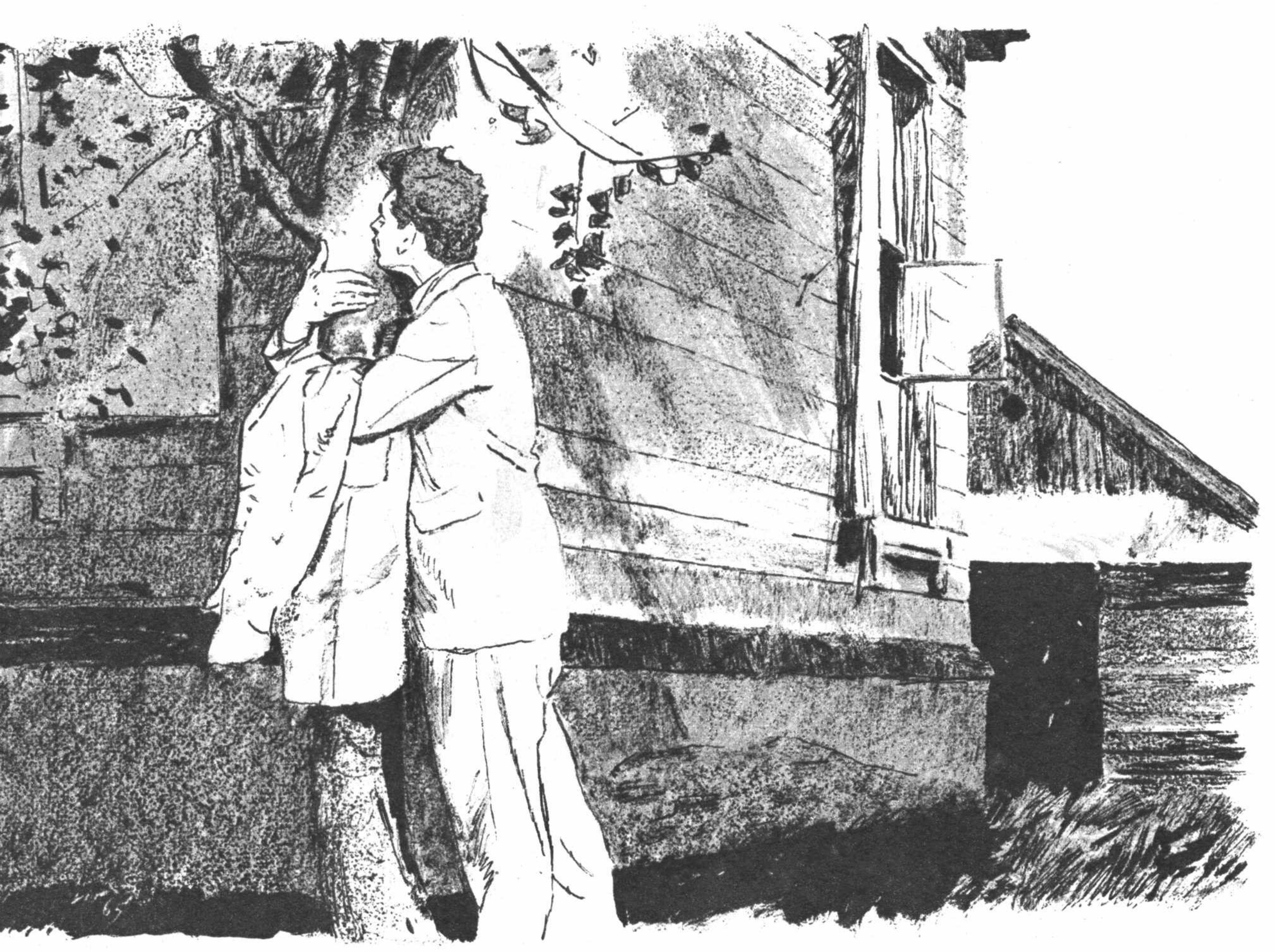
коробок заводских поселков. Николай Николаевич вздохнул. Житель столицы, невольник каменных стен, асфальтированных площадей, пробензиненного воздуха, он питал слабость к зеленым русским городкам над речкой и, поскольку сам не испытывал неудобства захолустной жизни, осуждал всякие современные преобразования в них. Поэтому он обрадовался, когда увидел, что бабкина улица ничуть не изменилась. Разве лишь поприземистей казались дома, пониже заборы, повытоптанней мурава вдоль них. Разросшиеся липы вздымали к небу мощные клубы сочной темной зелени. Они недавно отцвели и еще сладко пахли цветочной прелью.

чивой возможности эдакого мимолетного туристского романа, который по молчаливому обоюдному согласию ни к чему не обязывает и благодаря этому оставляет воспоминания, не связанные ни с раскаянием, ни с угрызениями совести, ни с интеллигентским самобичеванием.

Дверь в дом оказалась незапертой. Ради приличия Николай Николаевич постучал в нее согнутым пальцем, вошел в темные сени, потом в маленькую прихожую, повесил там на гвоздик плащ и заглянул в комнату.

— Кто тут есть?— негромко спросил он.

Ему не ответили. Тогда он переступил порог и открыл еще одну дверь в комнатку, которую бабка всегда называла маминой. Здесь было

Николай Николаевич повернул кольцо на калитке, клацнувшее до того знакомо, что он вздрогнул. Как и в далекие времена его детства, неухоженный двор был заполонен лопухами, крапивой, лебедой, узкая дорожка в их зарослях усыпана мелкой падалицей выродившихся яблонь. И запах здесь был тот же самый — грибной запах древесного гниения, винный запах брожения палых плодов, эстрагонный запах сочных бурьянов... Ничто не воскрешает ощущение далеких дней с такой достоверностью и силой, как запахи, и Николай Николаевич, растроганный чуть не до слез, обнял дуплистый ствол старой китайки и крепко поцеловал его.

Это было высшей точкой его умиленности. Повернувшись, чтобы ступить на крыльцо, он вдруг увидел перекинутый через перильца женский купальник, и эта, обычная в ином месте, но несовместимая с обстановкой бабкиного сада вещь мгновенно перепутала в нем все прежние мысли и чувства. В самом деле, как могла она появиться здесь? Чья жизнь пересеклась сейчас с его? И что, хорошо это или плохо, если рядом с ним несколько дней будет жить молодая, красивая женщина? Он почему-то не сомневался, что она молода и красива. Да и какому одинокому двадцативосьмилетнему мужчине не блеснет в подобной ситуации такая надежда, несомненная, как уверенность!

«Ну что ж,— решил Николай Николаевич,— пожалуй, это неплохо...»

И в следующий момент уже думал о заман-

прохладно и сумеречно; единственное окно заслоняла ветка, усыпанная мелкими желтыми яблоками, а на кровати лицом к стене спала женщина. Николай Николаевич отскочил, поспешно захлопнул дверь и долго тер в смущении переносицу. Короткие, вьющиеся на затылке волосы, голая спина с врезавшимися в нее бретелями рубашки, крутые бедра под простыней... Наваждение какое-то! Он сильно тряхнул головой и вышел в сад. Кто-то всхрапнул и невнятно забормотал в сарайчике, где у бабки валялся разный хозяйственный хлам.

«Черт знает, что тут делается!» — подумал Николай Николаевич.

Он решительно распахнул дверь и в ярком прямоугольнике солнечного света, упавшего во тьму сарая, увидел двух мужчин, спавших на ворохе сена.

— Это кто там лезет?— спросил один, загораживаясь согнутой рукой.

— Я, собственно, внук...—пробормотал окончательно сбитый с толку Николай Николаевич.

— Дурак ты,— ворчливо сказал тот.— Мы всю ночь работали, только-только уснули, а ты лезешь нахрапом.— И прибавил, видимо, для своего приятеля:— Спи, Ванька, наследник приехал.

Он вышел в сад, судорожно зевал, лязгал зубами, потягивался, делал руками гимнастические движения и, наконец, спросил:

— Узнаешь меня? Я Володька. Если не помнишь, скажи прямо, не таращься.

Он был великолепно, сеттерно рыж волосом, орехово смугл кожей, голубоглаз, и Николай Николаевич, конечно, сразу же узнал его. Плохо разбираясь в иерархии родства, он помнил, что Володька был внучатым племянником покойной бабки, но кем приходился ему, так и не мог уразуметь.

— Вот, видишь, приехал,— вздохнув, сказал он.

Володька молча продолжал размахивать руками, приседать и подпрыгивать.

— Думаю, продать надо все это,— сказал Николай Николаевич.— Ты, может быть, тоже наследник?

— Ну нет!— фыркнул Володька.— Все тут твое. Хочешь — продай, хочешь — сожги. Мое только сено. Мы с Ванькой купили воз специально, чтобы дрыхнуть на сене.

— Кто же здесь живет? Никак не пойму...

— Я живу. Квартирантка живет. Между прочим, я могу отсудить у тебя половину наследства. Что, испугался?

Володька изо всей силы хватил Николая Николаевича по спине, захохотал и забегал по дорожке, высоко вскидывая колени.

Николай Николаевич опять тер переносицу, дивился: спят на сене, работают по ночам, в доме молодая женщина — черт знает, что за люди!..

III

В семь часов на крыльцо вышла квартирантка.

— Нинон, наследник приехал!— закричал Володька.— Познакомься.

У Николая Николаевича порозовели скулы. Он издали кивнул квартирантке и, чувствуя себя здесь лишним, неугодным, незваным-непрошеным, в смущении топтался на месте. Квартирантка высоко держала маленькую, стриженную под мальчика голову, глаза надменно прикрыла полуопущенными веками, пухлые губы едва разомкнула.

— Я снимала у вашей бабушки комнату,— сказала она.— В октябре мне дадут квартиру в новом доме. За эти месяцы я, естественно, расплачусь с вами.

— Ерунда,— отмахнулся Николай Николаевич.— Я хочу поскорей развязаться с этим наследством, продать все...

— Это уж ваше дело.

«Сказала, точно стенкой отгородилась»,— подумал Николай Николаевич.

Подавленный откровенной неприязнью этих людей, боясь показаться навязчивым, он несмело спросил, как умерла бабка, где ее похоронили и кто может проводить его к могиле.

— Нинон все знает,— сказал Володька.— Эй, Нинон, своди его вечером на кладбище слезу пролить над ранней урной, я занят сегодня.

— В пять,— сказала квартирантка, не глядя на Николая Николаевича, и ушла в дом.

Вскоре Володька, одетый с небрежностью битника в мятые вельветовые брюки и пеструю рубашку навыпуск, и безукоризненно аккуратная квартирантка в накрахмаленном ситцевом платье, оживленно разговаривая между собой, прошли мимо Николая Николаевича и скрылись за воротами.

«Что надо делать-то?» — с тоской подумал Николай Николаевич.

Ему надоело слоняться по саду, хотелось помыться с дороги, поспать где-нибудь в холодке, но он не решался войти в дом. Он был хозяином этого дома и в то же время чувствовал себя очень неловко, словно совершил бестактность, вломившись в чужую интимную жизнь.

«Бросить все, уехать...— подумал Николай Николаевич, но уважение к памяти бабки, к последней воле ее как-то не допускало такого выхода.— Продам и закачу бабке мраморный памятник с бронзовым ангелом!»

Он вдруг почувствовал то сердитое состояние духа, в котором становился очень решительным и деятельным, пошел в кухню, выплеснул из ведер степлившуюся воду, принес с фонтанки свежей и, раздевшись до трусов, стал поливать на себя в саду из ковша, громко рыча, смеясь и ухая от удовольствия. Из сарая высунулась всклоченная голова, ошалело моргая заспанными глазами. «Еще один экземпляр!— с ироническим восторгом подумал Николай Николаевич.— Этому я тоже чем-нибудь не угодил?»

— Привет,— хмуро сказала голова.— Мне снился пожар в джунглях.

— Я наследник. Ура!— ответил Николай Николаевич.

Из сарая вышел высокий, с широченными плечами парень и протянул ему руку.

— Иван Водогонов.

По своеобразному запаху пота и машинного масла, по черным трещинкам на руке Николай Николаевич определил в нем человека, имеющего дело с металлом и машинами. Рука царапалась, как рашпиль.

— Время-то много ли?— спросил Водогонов.— Никак не пойму спросонок, утро или вечер.

— Утро,— сказал Николай Николаевич.— Я разбудил вас?

— Похоже на то. А ну-ка, плесни и мне ковшичек.

Водогонов нагнулся, подставляя вместительную, как лохань, пригоршню, но Николай Николаевич опрокинул полный ковш ледяной воды на его белую, лоснящуюся спину. Водогонов ахнул.

— По желобку, по желобку,— издевательски приговаривал Николай Николаевич.

— Давай еще,— попросил Водогонов.

Они плескались, пока не кончилась вода в ведрах, потом растерлись полотенцем и, чувствуя подъем сил, телесную свежесть и то безмятежно-радостное состояние духа, которое всегда сопутствует ей, дружелюбно глянули друг другу в глаза.

— Послушай,— сказал Николай Николаевич,— отчего твои друзья смотрят на меня, как на зачумленного? Володька наследником называет, да так, словно я не наследство получил, а наследил где-то, а?

Водогонов с минуту смотрел на него в полной растерянности, потом запрокинул голову и раскатисто захохотал.

— Ты не обижайся, ей-богу,— сказал он наконец.— Так уж повелось у нас считать тебя куркулем и собственником. С ерунды началось, с шутки. Володька Самоваров стал подтрунивать над Ниной: дескать, приедет наследник, разведет здесь кур, будет яйцами на базаре торговать. Он, дескать, такой замухрышистый тип в сатиновых нарукавничках, копеечная душа, ведет дома тетрадь прихода и расхода. У нас даже что-то вроде игры затеялось. Володька проснется первым, запустит в меня подушкой и спрашивает: «Что бы ты сделал, если бы такое позволил себе наследник?» «Я бы,— говорю,— заставил его собирать при лунном свете патефонные иголки на мохнатом ковре». Одеваемся, и Володька спрашивает: «А что бы ты сделал, если бы наследник поднялся раньше нас и слопал весь завтрак?» И я должен тут же придумать для тебя какое-нибудь унизительное возмездие.

— Благодарю,— поклонился Николай Николаевич.— Ловко проезжались на мой счет.

— Да ты не обижайся!

Широкое, лобастое лицо Водогонова стало смущенным и виноватым; он с жалкой улыбкой смотрел на Николая Николаевича и весь сразу же просиял, когда тот сказал, что понимает шутки и не думает обижаться. Шутка есть шутка.

Однако Николай Николаевич долго тер в раздумье переносицу.

— Иван,— сказал он наконец серьезно и доверительно.— Только по совести. Володька... не того, насчет дома? Не обижен бабкиным завещанием?

— Оставь!— возмущенно воскликнул Водогонов.— Ты, я вижу, все-таки с душком, парень. Успокойся, никому твой дом не нужен.

— Да он и мне не нужен,— спокойно возразил Николай Николаевич.— И я, Иван, без душка. Но ведь меня тут так встретили, как не встречают людей без достаточных к тому оснований. Можно черт знает что заподозрить.

— А ты не подозревай. Я сказал: шутка.

— Принято,— решительно кивнул Николай Николаевич.

Он хотел было спросить Водогонова о том, как и зачем они все трое собрались в бабкином доме, но спохватился, что это, пожалуй, не его дело, и поинтересовался только, не квартирант ли здесь и он, Водогонов. Оказалось, что нет.

— У меня, брат, комната в общей квартире,— удрученно сказал Иван.— Но там соседка. Розалия Павловна. Агрессор в любви.

IV

Они вместе позавтракали в столовой, которая называлась еще по моде тридцатых годов фабрикой-кухней. За завтраком Водогонов сам, без расспросов, рассказал то, что вызывало любопытство Николая Николаевича.

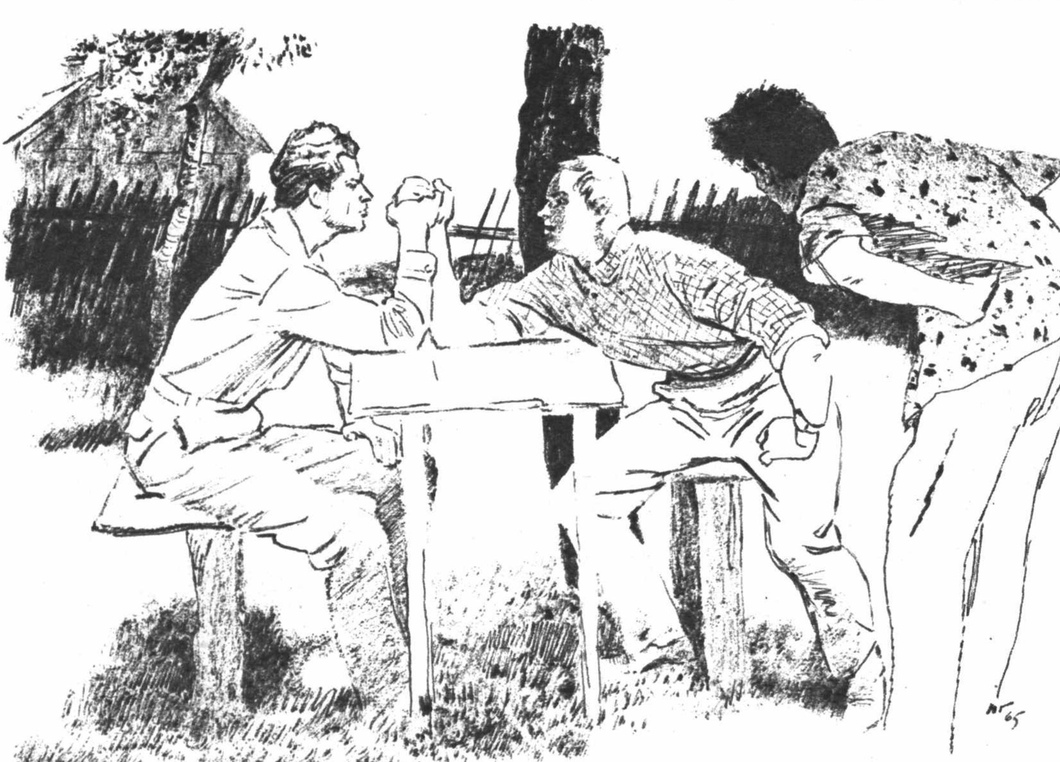
Володька, не доучившись из-за какой-то скандальной истории на факультете журналистики, помыкался по белу свету, был на целине, на ангарской стройке, в геологической разведке, на рыбных промыслах Каспия и в прошлом году вернулся в К., где его приютила добрая душа, двоюродная бабка. Теперь он пишет роман и работает литсотрудником в городской газете. По мнению Водогонова, умный, талантливый Володька жил безалаберно, с легкомысленной щедростью растрачивал свои незаурядные способности на поденную работу в газете, где писал все — от передовиц до театральных рецензий — и где его, конечно, очень ценили, относясь снисходительно даже к тому, что он частенько исчезал за дверями здания, отмеченного всеми внешними признаками пивной.

Нина квартировала у бабки уже два года, с тех пор как окончила институт и приехала работать на завод в отдел главного технолога. Она пережила шаблонную драму наших дней: ее любимый парень не поехал в периферийный городок и вскоре женился на ленинградке с постоянной пропиской.

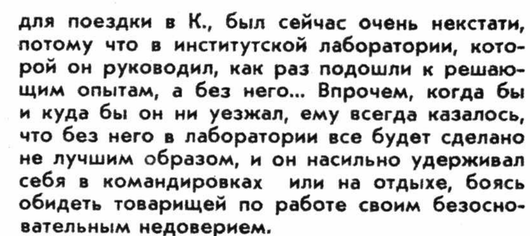
Ну, а он, Водогонов, токарь. Впрочем, можно сказать, без году инженер, так как учится на последнем курсе заочного машиностроительного института.

Свела их всех вместе работа над книгой для областного издательства. О чем книга? О его и Нинином новаторском методе резания металлов. Володька же осуществляет литературную обработку.

Николай Николаевич катал по столу хлебный шарик, слушал. Рассказ Водогонова заставил его вспомнить и о своих делах, о том, что недельный отпуск без содержания, взятый им

для поездки в К., был сейчас очень некстати, потому что в институтской лаборатории, которой он руководил, как раз подошли к решающим опытам, а без него... Впрочем, когда бы и куда бы он ни уезжал, ему всегда казалось, что без него в лаборатории все будет сделано не лучшим образом, и он насильно удерживал себя в командировках или на отдыхе, боясь обидеть товарищей по работе своим безосновательным недоверием.

— Послушай, Иван, ты не знаешь, как продаются дома?— невпопад спросил он.

— Не приходилось заниматься этим делом,— засмеялся Водогонов,— но думаю, что надо расклеить на столбах и заборах объявления.

— Самому?

— Мальчишек с улицы найми за порцию мороженого, горсправки здесь нет.

— Ты серьезно это говоришь?

— Вполне. Пойдем, я составлю тебе у них протекцию.

Они вернулись домой, и Николай Николаевич, конфузясь, написал десяток объявлений о продаже дома.

— Пиши «срочно продается», подумают, что дешево,— похохатывая, советовал Водогонов.— Домовладелец!

Он окликнул через забор соседского мальчишку в шикарной футболке с номером на спине, вручил ему рубль, пачку объявлений и подмигнул Николаю Николаевичу.

— Не печалься, спать ложись, добрый молодец. Утро вечера мудренее.

Они вместе растянулись в сарае на сене. Под деревянной крышей было прохладно; золотистая пыль толклась в лучах света, струившегося из многочисленных щелей; сено тонко пахло мятой.

«Это они неплохо... с сеном-то...» — подумал Николай Николаевич и хотел было вслух высказать Водогонову свое одобрение, но всхрапнул на полуслове и уже не слышал, как Водогонов сказал:

— Спи. Мне тоже перед сменой нужно добрать.

Проснулся Николай Николаевич незадолго до пяти часов. Водогонова уже не было. Вскоре пришла Нина, побледневшая от жары и усталости, с фиолетовыми тенями под глазами.

— Устали? Может быть, не пойдем на кладбище? — участливо спросил Николай Николаевич.

Но она строптиво дернула плечиком.

— Откуда вы взяли, что я устала! Если не хотите идти, то так и скажите.

«Ну и представил же меня тут Володька!» — подумал Николай Николаевич.

— Запирать будете? — спросила Нина, когда они выходили.— Мы не запираем.

— Напрасно,— сказал Николай Николаевич.— Город наводнен ворами.

Она быстро взглянула на него и, встретив ответный взгляд, полный искренней тревоги, презрительно усмехнулась.

— Возьмите вон там над дверью висячий замок. Другого нет.

Николай Николаевич с добросовестной медлительностью запер дверь, подергал замок, положил ключ в карман, и они вышли. Нина явно старалась идти чуть впереди и поодаль. Она была своеобразно красивой девушкой — с узкими покатыми плечами, широкими бедрами, сильными ногами, с курносым, губастеньким профилем куклы-негритенка,— и Николай Николаевич подумал, что кто-нибудь из двух друзей непременно влюблен в нее. Пожалуй, Водогонов. Уж слишком деланное равнодушие звучало в его голосе, когда он говорил о парне, который не поехал в периферийный городок.

«Забудь ты о нем скорей,— мысленно сказал ей Николай Николаевич.— За такой на край света можно ехать. Держись королевой».

Они вышли за город, не проронив по дороге ни слова. Здесь стоял реденький бор без подлеска, горячо и сухо пахло палой хвоей, идти по ней было скользко, как по навощенному полу.

«Под руку взять? — подумал Николай Николаевич, сбоку глядя на Нину.— Пожалуй, царапаться станет. Вон глаз-то как горит».

— Что вы меня все время разглядываете, словно редкое насекомое? — раздраженно сказала Нина.

— Вот те раз! — Николай Николаевич даже остановился.

— Не разыгрывайте удивления. Я же чувствую ваш взгляд.

— Во гневе вы прекрасны! — шутовски сказал Николай Николаевич.

— Ах, как остроумно!

— Ну вот что,— Николай Николаевич опять, уже второй раз за день, рассердился. Для него, человека в общем-то спокойного, добродушного, не лишенного чувства юмора, это было почти годовой нормой.— Мне от вас ничего не нужно, кроме простой любезности показать бабкину могилу. Если вы почему-либо считаете такое усилие обременительным для себя, то идите... гм... идите домой. Я как-нибудь обойдусь помощью кладбищенского сторожа.

— Вы тоже великолепны, когда сердитесь,— отпарировала Нина.

Вскинув голову, она пошла вперед.

На кладбище Николай Николаевич попросил у сторожа лопату, оправил уже начавший прорастать бледно-зелеными иглами травы холмик, дал сторожу денег, чтобы тот поставил вокруг могилы ограду. Опухший с похмелья сторож равнодушно сказал:

— И так бы не убежала.

— Но! Но! — прикрикнула на него Нина.— Я проверю. Чтоб была ограда.

— Будет,— обиделся сторож.— У нас на честность. Красить ограду-то? Придется, значит, и на красочку в таком случае добавить.

Николай Николаевич дал и на краску. Он постоял над могилой, чувствуя себя неловко оттого, что уже так мало может сделать для бабки, что только смерть, по сути дела, напомнила ему о ней, и, прибегая к испытанному средству оправдания большинства людей своей совести, попытался переложить собственную вину на другого.

— Как же вы не сообщили мне о ее смерти! — с упреком сказал он Нине.

Та, видимо, разгадала его психологическую уловку, жестко взглянула в глаза.

— Никто не знал вашего адреса. Пока его нашли, было уже поздно.

Николай Николаевич потер переносицу, невнятно пробормотал, отворачиваясь:

— Да, да, конечно... Извините...

И пошел к сторожу относить лопату.

V

Володька бушевал в саду.

— У-у-у, холодная кровь! — рычал он.— Формулы, чертежи, расчеты.. Неужели вы думаете, что ваши личности менее интересны и значительны, чем резцы, которые вы придумали? Я, конечно, понимаю, это — особенность поколения, выросшего у электромоторов, вагранок и конвейеров, но надо же иметь не только логарифмическую линейку в кармане, но и примесь солнца в крови. Трудно поверить, что Иван стихи пишет.

Водогонов предостерегающе крякнул и завозился.

— Ей-богу,— не унимался Володька.— Приходит к нам в редакцию эдакий верзила, мнется и тянет из кармана ученическую тетрадочку. Я сразу определил: еще один дикорастущий гений. Так и познакомились.

— Я тогда о Кубе стихи написал,— смущенно сказал Водогонов.— Какие уж тут рифмы. Заботился только, чтобы голосу больше было.

Спор, как понял Николай Николаевич, шел из-за второй главы, в которой излагались биографии Нины и Водогонова и которую, по их мнению, надо было убрать. Володька возражал. Накануне он, возбужденный, счастливый, слегка хмельной, принес отпечатанную на машинке рукопись, хлопал по ней ладонью, твердил: «Окончен труд дневных забот...» — и засадил на всю ночь своих соавторов читать. Наутро непроспавшиеся, раздражительные и злые, они спорили, не слушая и не понимая друг друга. Наконец, Володька, изо всей силы стукнув калиткой, ушел.

— Ясно,— сказала Нина.— Выходной испорчен. А ведь хотели на лодке покататься.

Она тоже стукнула калиткой, и Николай Николаевич расхохотался.

— Ворота мне сломаете, друзья!

Водогонов крепко тер ладонями лицо, тряс головой.

— Фу,— сказал он.— Истерзал совсем Володька этой рукописью. Одержимый какой-то. Ни отдыха, ни срока.

— Разреши мне посмотреть,— попросил Николай Николаевич.

Водогонов с отвращением оттолкнул от себя по столу рукопись, ушел в сарай и бросился там на сено. Николай Николаевич принялся читать. Вскоре он оторопело хмыкнул, заерзал на лавочке и весь подался вперед, как сеттер, почуявший дичь. Впервые на его глазах совершалось чудо превращения жизненного материала в литературу. Он даже перевернул листы рукописи обратной, чистой стороной, словно надеялся там найти разгадку этого превращения, и с чувством радостного открытия подумал о Володьке:

«А ведь молодец! Ах, какой молодец!»

Дочитав рукопись до конца, он в волнении заходил по саду. Он понимал, что великолепно написанная вторая глава была для Володьки как бы отдушиной, куда его душа, душа художника, устремлялась в милый ей мир житейских наблюдений и бытовых подробностей, без которых всякое повествование теряет аромат достоверности, и в то же время ясно видел, что эту главу все-таки надо убрать, потому что на фоне делового пропагандистского текста она выглядела нелепо и даже нескромно.

Нежность к Володьке эдакой теплой мягкой волной так и заливала Николая Николаевича. Он растормошил Водогонова, спросил, куда мог уйти Володька и, не получив вразумительного ответа, опять зашагал от сарая до ворот, думая нетерпеливо:

«Скорей бы уж он пришел, что ли! Надо ему сказать...»

Володька пришел под вечер. Николай Николаевич, не заметив от волнения, что тот крепко пьян, раскатился к нему, схватил за руку и, встряхивая ее, горячо зашептал:

— Володька, дорогой, это же здорово! Я читал... Но из книги ты убери эту беллетристику. Она там ни к чему. Ты из этой главы...

— Не желаю! — крикнул Володька и, вырвав руку, стукнул кулаком по крышке врытого в землю стола.— Кто позволил читать?

— Я позволил,— мрачно сказал из сарая Водогонов.

— Не желаю! — опять крикнул Володька.— Где рукопись? Уничтожу к чертовой матери. Если я живу в твоих стенах, это не значит, что ты имеешь право лезть мне в душу, накладывать лапу...

Обида до слезной спазмы в горле охватила Николая Николаевича; ему было жаль своего недавнего и теперь улетучившегося чувства нежности к Володьке, и, не сдержавшись, он тоже крикнул:

— Замолчи, дурак!

— Я дурак? — взревел Володька.

Он бросился, пригнув голову, на Николая Николаевича, но тот ловко схватил его вокруг туловища, приподнял и прижал к себе. Володькино лицо до синевы налилось кровью.

— Иван, бей его! — прохрипел он и закатил глаза.

— Брось! — сказал Водогонов, выходя из сарая.

Николай Николаевич бережно посадил Володьку на лавочку.

— Приемчики,— еле выговорил Володька.— А силы нет. Попробуй Ивана положить. Не положишь.

— Положу,— сказал Николай Николаевич.

— Давай, Иван.

— Да ну вас,— отмахнулся Водогонов.— Цирк, что ли.

— Иван! — взмолился Володька.— Положи его.

Водогонов усмехнулся, закатал правый рукав, обнажил не руку, а черт знает что, какой-то рычаг, свитый из длинных мускулов, и захватил в горсть всю узкую кисть Николая Николаевича.

— Локти на одну линию! — командовал Володька.— Не упираться левой! Пошел!

И вдруг рука Водогонова, белея и мелко дрожа, стала быстро-быстро, даже как-то слишком быстро для такой мощной руки опрокидываться, легла тыльной стороной ладони на стол и расслабилась.

— Поддаешься! — закричал Володька.— Нечестно.

— Да нет же,— удивленно сказал Водогонов и опять поставил руку на локоть.

И опять Николай Николаевич легко, точно лозинку, пригнул ее к столу.

— Вы же безграмотные в спортивном смысле люди, хоть и сильные, а я все-таки мастер в трех видах,— конфузясь своего триумфа и стараясь как-то приуменьшить его, сказал Николай Николаевич.

В это время загремела кольцом калитка, и в сад вошла Нина.

— Ах, Нинон, Нинон! — с отчаянием сказал Володька.— Как хорошо, что ты не видела!

VI

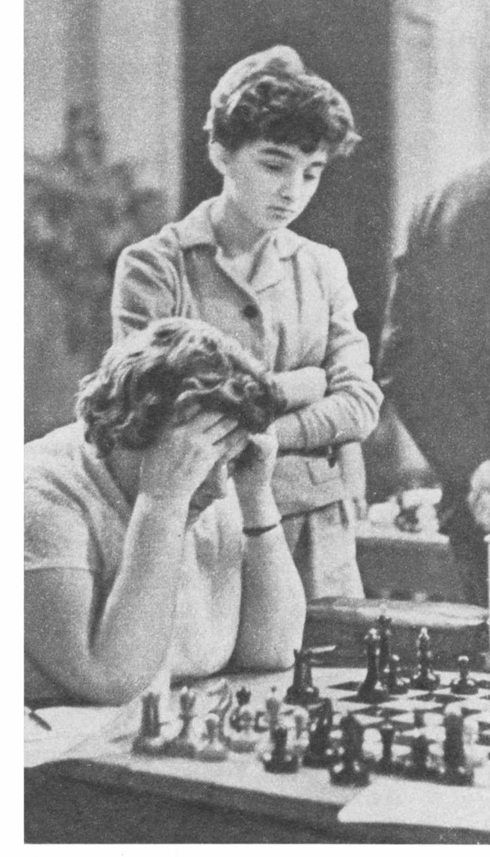
Неделя была на исходе, а покупатели не появлялись. Николай Николаевич уже заказал билет на поезд, сходил к нотариусу и вечером ждал Володьку, чтобы переговорить с ним о доме.

После той схватки в саду Володька стал относиться к нему дружелюбнее, сменив откровенно презрительный тон на ворчливо добродушный. Уже наутро он подошел к Николаю Николаевичу, морщась от похмельной дурноты, и сказал:

— Ты извини за вчерашнее. Буен я стал во хмелю. Нервы.

Николай Николаевич растрогался, понимая, как нелегко Володьке приносить ему извинения, забормотал, что сам, дескать, виноват, прочитав без разрешения чужую рукопись, но Володька оборвал его:

— Ладно, ерунда все это. Да и прав ты: вто-

Лена изучает партию своей матери Ольги Рубцовой.

Вик. **ВАСИЛЬЕВ**

Когда в Тбилиси на финише XXIV чемпионата страны встретились за доской две школьницы — семнадцатилетняя Лена Рубцова и пятнадцатилетняя Нана Александрия, переполненный, настороженно притихший зал желал, конечно, удачи своей любимице Нане. И все же, когда девочка вынуждена была поздравить свою соперницу с победой, в зале прозвучали аплодисменты.

Я никогда не забуду эти аплодисменты. В них слышалась не только скрытая горечь несбывшихся надежд, но и восхищение игрой Лены. Это была прекрасная партия, с фейерверком жертв, с неожиданными комбинационными ударами и с той и с другой стороны, партия, которая, по мнению гроссмейстера Михаила Таля, обойдет мировую шахматную печать.

Эта партия отнюдь не была слу-

ДВЕ РУБЦОВЫ

чайной удачей дебютантки чемпионата. Юная чемпионка Москвы разделила в турнире второе место с бывшими чемпионками страны Ларисой Вольперт и Майей Раннику — успех выдающийся, тем более, что лучших соседей по таблице нельзя и желать.

...В шахматах, говорят, не бывает везения: в них все логично и закономерно, даже явные промахи играющих. А вот Лене Рубцовой все-таки повезло: она родилась в семье известного шахматного мастера Абрама Поляка и будущей чемпионки мира Ольги Рубцовой. Да и три старших брата и сестра тоже поддались чарам мудрой игры. Тут и не захочешь, а будешь играть!

Впрочем, лет до двенадцати Лена относилась к шахматам скептически. Так, немножко играла, но увлеченности мамы не разделяла. Ольга Николаевна, хоть втайне и мечтала о Леночкиных успехах за шахматной доской, но не спешила. Верила: она придет сама, эта страсть к борьбе на 64 клетках, страсть, захватывающая целиком, на всю жизнь.

Как всегда, помог случай. Лену пригласили участвовать в турнире школьниц. Увы, ее «громкое имя» не произвело на соперниц никакого впечатления: Лена проиграла подряд четыре партии, а потом захворала и выбыла из турнира. У Рубцовых было принято обсуждать на семейном совете шахматные дела каждого — и чемпионки мира и чемпионов класса. Домашняя «шахматная общественность» добродушно посмеялась над неудачным дебютом девочки. Но Лена вдруг почувствовала себя задетой за живое: как-никак она все-таки Рубцова!

Вот с этого все и началось. Один из братьев отвел Лену на стадион Юных пионеров, где она, занимаясь в шахматном кружке, быстро обнаружила незаурядное дарование. Спустя ровно год после своего досадного фиаско Лена заняла первое место в турнире школьниц Москвы. Но главное было не в этом — шахматы вошли в ее жизнь. Так старшая и младшая Рубцовы стали единомышленницами.

Они не только одинаково любили шахматы, они и играли в одинаковой манере. Как и мать, Лена любила атаковать, терзать соперницу неожиданными комбинационными ударами, только действовала она еще смелее, часто с безрассудной отвагой. Два года назад в финале первенства Москвы — уже среди взрослых — четырнадцатилетняя Лена встретилась с опытной шахматисткой Ольгой Кацковой. С первых же ходов она кинулась очертя голову на короля соперницы. Кацкова спокойно отразила азартные наскоки, провела контрудар в центре, и уже к двадцатому ходу позиция Лены развалилась, как карточный домик.

Ольга Николаевна с улыбкой смотрела на эти шалости. Но наступил момент, когда отец, приверженец строго позиционного стиля, запротестовал, и тренер Лены мастер А. Хасин его поддержал. Хватит, пора детства прошла, надо заниматься серьезными вещами! Отец стал постепенно прививать Лене вкус к стратегии, к тонкостям позиционной игры, а однажды «нечаянно» подсунул ей сборник избранных партий Василия Смыслова. И девочке так понравилась железная логика и неотразимая простота партий гроссмейстера, что она большинство из них запомнила наизусть.

Неожиданно для всей семьи Рубцовых Лена почувствовала влечение к позиционной игре! Один только отец воспринял это как должное и лишь посмеивался, слыша удивленные возгласы жены. Правда, Лене еще редко удавалось играть в новой для нее манере: понимание позиции дается не сразу, для этого нужны годы. И все же в одном из турниров она сыграла против Ларисы Калашниковой чисто позиционную партию, партию, которую считает пока лучшей в своей жизни. В этой партии не было ярких блестков. Лена ослабила белые поля в позиции соперницы, стеснила все ее фигуры и добилась победы в эндшпиле. Эта партия была подчинена строгой логике. Совсем как у Смыслова.

Наступила пора шахматного возмужания. Если прежде Лена беспрекословно выполняла все советы матери, то теперь, когда старшая Рубцова пыталась ее вразумлять в каких-нибудь сугубо шахматных делах, младшая вдруг могла заявить: «А я считаю, что надо играть не так!» Но этот конфликт «матерей и детей» продолжался недолго. Убедившись, что дочь все чаще оказывается права, Ольга Николаевна начала признавать ее авторитет, а когда 16-летняя Лена стала в прошлом году чемпионкой Москвы, опередив мать, та и вовсе смирилась.

В финале XXIV чемпионата страны участвовали и мать и дочь — случай беспрецедентный в истории шахматных соревнований. Выиграв четыре первые партии, Лена захватила лидерство, обогнав всех, в том числе и чемпионку мира Нону Гаприндашвили. После седьмого тура она разделила власть с опытной Ларисой Вольперт, потом снова ушла вперед, отстала от Гаприндашвили и Наны Александрия, потом опять делила первое место с Ноной и только с 14-го тура окончательно отстала от чемпионки мира.

Для семнадцатилетней дебютантки это была удивительная эпопея! Впрочем, мать ее в 18 лет стала уже чемпионкой страны, первой нашей шахматной королевой! Как говорится, есть с кого брать пример.

А как со Смысловым? Нет, у Лены с позиционной игрой пока еще не все ладно, хотя сборник любимых партий и летал с ней на чемпионат в Тбилиси. Впрочем, Лена убеждена, что это просто соперницы своей пассивностью вынуждали ее играть в остром, рискованном стиле, сама-то она готова была действовать «по Смыслову». Но когда она это говорит, ее отец, втихомолку ухмыляясь, чешет затылок, как тот скептически настроенный охотник с известной картины Перова. Что же до старшей Рубцовой, то она не то в шутку, не то всерьез говорит:

— Что вы хотите от девочки? Ей нравится играть, как мама? Ну и пусть играет...

Но Ольга Николаевна, конечно, знает, что придет время, и Лена будет играть так, что довольны будут все: и она, и отец, и тренер. А пока пусть бродит, как молодое вино. Крепче будет...

За партией Лены Рубцовой и Наны Александрия наблюдает Ольга Николаевна Рубцова.

рую главу надо выкинуть. Ты ведь, кажется, физик? Ну, вот и считай, что в данном случае физики восторжествовали над лириком. Виват!

И ушел, сверкая белесым задом вельветовых штанов.

Остальные дни недели прошли в доме тихо и будничто. Нина собиралась переезжать в общежитие: уложила в чемодан свои платья, Водогонов заколотил в большой фанерный ящик ее книги. На Николая Николаевича никто не обращал внимания; он целыми днями валялся в саду на траве, ждал покупателей, скучал. Со скуки зрели в его голове планы.

Володька пришел из редакции поздно и хотел было сразу завалиться в сарай на сено, но Николай Николаевич отозвал его в сторонку, на лавочку. Вечер был тих, тепел и располагал говорить вполголоса. Николай Николаевич вздохнул и сказал:

— Послезавтра уезжаю.

— Ну?

— Дом не успел продать.

— Заколоти. Пусть гниет.

— Жалко.

— Еще бы! — фыркнул Володька.

Вложив в голос как можно больше униженно-просительных интонаций, Николай Николаевич сказал:

— Послушай, Володька, будь другом, продай тут его без меня. Сделай такую родственную услугу. Я, ей-богу, должен ехать. Работа, понимаешь... срочная, ответственная...

— Физик. Черт бы тебя взял,— сказал Володька.

— Ну, согласен?

— Мне что. Найдется покупатель — загоню. Но учти: торговаться не стану. За первую цену отдам.

— Конечно! — обрадовался Николай Николаевич.— Отдавай, не торгуйся.

— Ну, все, что ли? Спать пойдем?— спросил Володька, зевая и потягиваясь.

— Все. Завтра только нам вместе нужно к нотариусу зайти.

— Это еще зачем?

— Формалисты. Крючкотворы,—презрительно усмехнулся Николай Николаевич.— Говорят, надо дом тебе по дарственной передать, иначе потом куплю-продажу не оформят. Словеса-то каковы, а? В жизни таких не знавал!

— Вот! — Володька приставил ладонь ребром к горлу.— Вот как ты облыз мне со своим домом. Ради бабки, царство ей небесное, а то бы...

И завязал так, что Николай Николаевич даже выдохнул сильно, словно перцу хватил.

Провожать Николая Николаевича на вокзал пришли все — и Водогонов, и Володька, и Нина. Он просил их об этом столь настойчиво, что отказ выглядел бы слишком большой невежливостью по отношению к гостю, и они все собрались в маленьком вокзальном ресторанчике, чтобы выпить, как сказал Володька, «посошок на дорожку». Нина исподтишка старалась остановить его в этом усердии, но Володька, наливая себе третью, громко и весело отшучивался:

— Брось, Нинон! Выпивши, я, как река в половодье, широк и раздолен, а трезвый начинаю мелеть. Виват!

Сотрясая вокзальное здание, примчался поезд. Он был из дальних и маленькому мимоезжему городку отдавал на всю перронную сутолоку лишь три минуты своего электротягового времени. Николай Николаевич, поднявшись в тамбур, стоял за плечом проводницы и думал:

«Теперь навсегда, наверно...»

И вот уже мягко качнуло его в сторону, прижало плечом к стене. Он поднял руку, улыбнулся стоявшему внизу Володьке и сказал:

— Эй, собственник! Домовладелец! Виват!

Володька рванулся к вагону.

— Околпачил, мерзавец!..

Николай Николаевич озорно подмигнул оторопевшей Нине и, стоя в тамбуре, махал через голову проводницы рукой, смотрел, как бился в объятиях хохочущего Водогонова Володька, порываясь к пробегающим мимо подножкам.

СПОРТ— ДЕЛО НЕШУ

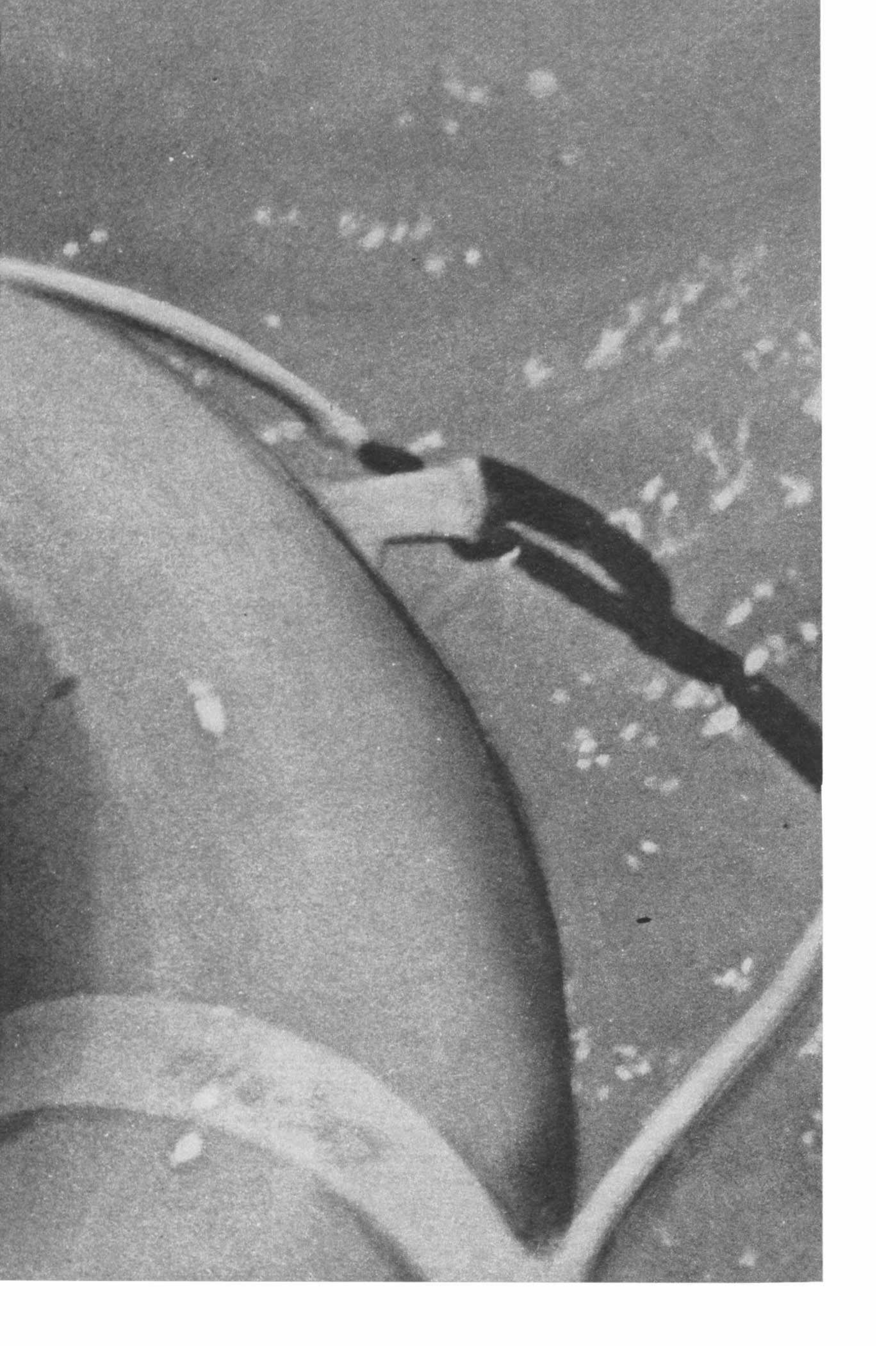
Пловец Блинов.

Римма ЛИХАЧ

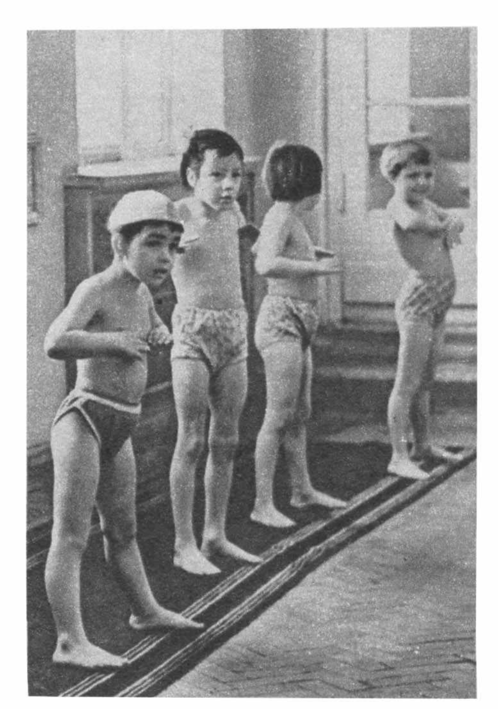
Три раза в неделю у «Динамо» выгружают из автобуса упакованных в шубы и ушанки спортсменов. Медленно, вразвалку, степенные, как пингвины, движутся они парами к бассейну. Спорт—дело нешуточное, и поэтому на каждом пловце спасательный круг. Детский сад № 450 Тимирязевского района отправляется на тренировку. Занятия требуют и ловкости, и смекалки, и храбрости. Хоть воды и по колено, но первый шаг в спортивной жизни всегда труден.

Усердие одинаковое, смекалка разная.

Не хотелось вылезать...

...Но сначала зарядка.

ТОЧНОЕ

Для руководительницы Людмилы Александровны первое дело — всех пересчитать.

СНЕЖНОГОРСК — ЭТО ГДЕ?

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

А вот где.

Пятичасовой воздушный скачок через тысячи километров — и вы в заполярном городе, о котором «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Для русских Норильск — символ торжества человека над природой Севера...»

Городские кварталы позади. Вы мчитесь по шоссе, защищенному от снежных заносов высокими щитами с «поддувалами». Рядом с дорогой — длиннейшая труба водовода: по ней подают городу воду из реки Норилки. Машина тормозит неподалеку от речной пристани; тут же и второй норильский аэропорт с простым симпатичным именем: Валек.

Потом вы томитесь в тесной конторке аэропорта. Когда полетит самолет в нужном вам направлении, пока неизвестно. Можно для развлечения разглядывать на стене в диспетчерской схему воздушных линий таймырского края. Одна из линий ведет на юг от Норильска — в тундру. Там никаких географических названий. Только в одном месте обведен кружок и карандашом нацарапано: «Снежногорск».

Диспетчер аэропорта Шура Басова, худощавая, задерганная звонками, жалуется вам на неаккуратность грузоотправителей и на нехватку пассажиров. Как посылать в Снежногорск полупустой пассажирский рейс? Наберитесь, товарищи, терпения, подождите. У вас срочное задание? Еще не встречала она человека, которому не требовалось бы срочно... Впрочем, корреспондентам она сочувствует. Хорошо. Отправит вас спецрейсом. С прессованными древесно-волокнистыми плитами и минеральной ватой для утепления брусчатых домов. Не возражаете?

Считайте, что вам улыбнулось дорожное счастье.

Весь фюзеляж «АН-2» забит строительными материалами, а вы устроились на железной перекладине в проеме пилотской кабины. Вы сидите позади летчика Игоря Лопатина и вместе с ним видите трассу.

Норильск отдаляется.

Дымка скрывает его горы, изрезанные — черным по белому — эстакадами и колеями дорог, его заводские и рудничные трубы, издали тонкие, как шпили.

Все это сменяется блюдцами болот, островками леса посреди плоской бескрайности. Русла заснеженных речек извилисты, чертят зигзаги на безграничном под крылом пространстве.

Которая из них Хантайка?

Мне знакома легенда, записанная сибирскими литераторами со слов девяностолетнего эвенка Даниила Осиповича Укачара, рыбака с таежного озера Хантайского.

Оттуда и берет начало Хантайка — бурливый приток Енисея.

Поколения рыбаков и охотников думали о реке, как о живом, беспокойном существе. Решила Хантайка вырваться из плена обступивших гор. Искала дорогу... Озеро пугало ее таежными дебрями, гибелью в трясине: «Куда тебе рваться, оставайся со мной». Но порывистая, горячая душа реки не соглашалась с материнской мудростью озера. Река брала себе в попутчики встающее на востоке солнце и двигалась вместе с ним. А то в тревоге догоняла уходящее на закат светило... Вот почему Хантайка такая прихотливо изогнутая, порожистая.

Это легенда. А вот несколько фактов и цифр.

Знаменитый Норильский комбинат в ближайшие годы вырастет и расширится. База для этого — открытое недавно в двух десятках километров от города, в горах у речки Талнах, богатейшее месторождение меди, никеля, кобальта и других цветных металлов (любопытно отметить, что на языке долган «талнах» означает «запрет», но наши геологи давно уже доказали, что для них не существует никаких запретов природы).

Северный исполин нуждается в дополнительных источниках энергии. Есть уголь. Хотят протянуть к Норильску и газопровод из Тазовского района соседней Тюменской области,— несколько сот километров по топям и таежным зарослям. Но всего этого недостаточно, если смотреть далеко вперед. А иначе смотреть сегодня нельзя.

И вот тут деловая проза смыкается с поэзией.

Непокорная, своенравная, мечтательная Хантайка находит, наконец, свою судьбу...

— Вон там мы сбрасывали изыскателям палатки и продовольствие,— рассказывает Лопатин, заходя на посадку над некими бурыми пятнами среди снегов.— Садились сначала вот где. Как на льдину... Теперь на том месте склад. Желтое — это первые дома на правом берегу. Черное—воронка от взрыва скальной породы.

Скоро мы у цели путешествия. Там, где широкое русло Хантайки сужается до 88 метров, у Большого Хантайского порога, намечен створ самой северной в мире гидроэлектростанции.

* * *

Почти сорок градусов ниже нуля. Дымки домиков, «балков» и палаток розовыми столбиками подпирают белесое небо.

Группа строителей спускается из левобережного поселка к месту створа будущей ГЭС.

Вы движетесь в цепочке людей, идущих гуськом по протоптанной на льду заснеженной реки узкой дорожке.

У вас нет опыта, вы еще не умеете шагать след в след, иногда оступаетесь и по плечи погружаетесь в снег. Но тут же руки товарищей помогают вам выкарабкаться из холодно-пушистой ямы.

Ледяной ветер выдавливает из глаз слезы. Но смотрите зорко, запоминайте. Картина удивительная. Крутые скалы встают с обоих берегов реки. Впереди по течению и позади никаких гор нет, берега низкие, и только в этом каньоне природа взгромоздила почти отвесные стены.

Можно вообразить, как многие сотни, а может, и тысячи лет назад тут проходил мощный горный хребет и как река прогрызла каменную толщу. Гора развалилась пополам, остались две половинки: одна — на правом, другая — на левом берегу.

Дует, как в аэродинамической трубе. Остерегайтесь, чтобы не прихватило уши, нос, щеки.

Но люди кругом работают.

Делает контрольную съемку геодезист. Бровь его прилипла к ободку окуляра теодолита.

Бурильщики и взрывники готовят шпуры. Здесь, в прибрежной толще левого берега, прокладывается первый штрек — заявка на будущие подземные тоннели высотою в пятиэтажный дом, шириной в шестнадцать метров: они примут воды укрощенной Хантайки, как совсем недавно такого же рода искусственные русла, созданные русскими и египтянами, приняли воды Нила.

Другие строители отвозят в сторону куски породы и льда.

Заняты делом геологи, мерзлотоведы, инженеры. Что-то сверяют по своим картам и схемам, обмениваются короткими репликами — непосвященный ничего не поймет.

Одно лишь ясно: станция потребует больших трудов, сложных усилий ученых, инженеров и рабочих. Да и, видимо, немалых денег.

И все же есть прямой расчет в этой стройке, подобной которой никогда еще не предпринималось нигде. Ведь стоимость гидростанции окупится в пять-шесть лет, а работать укрощенная река будет века. Не дробить скалы и не подмывать бессмысленно берега, а давать свет и тепло разбуженной тундре!

Вечером вы сидите в «ПДУ» у Владимира Михайловича Плотникова, главного инженера стройки.

«ПДУ» означает «передвижной домик улучшенный», но в Снежногорске чаще со смешком говорят: «продуваемый домик ухудшенный».

Домик-то сам по себе удобный: светлые комнаты, встроенные в стену шкафы, кухонька с умывальником. Где-нибудь в степях Казахстана или в среднем течении Оби, Енисея для людей кочевого образа жизни лучшего и пожелать нельзя. Но здесь, у шестьдесят девятого градуса северной широты, у «опушки мира», как называют проходящую в этих местах границу между тундрой и лесотундрой, где осень и долгую зиму дуют жестокие ветры,— здесь надо бы создать другой вариант «ПДУ», какой-нибудь «ПДУ-д С» — для Севера. Потеплее, погерметичней. Пока что даже в обыкновенных палатках с двойным слоем брезента или в старосибирских «балочках» — сколоченных из древесных отходов халупках на полозьях — куда теплее, чем в современных «ПДУ».

Мой собеседник говорит об этом с легкой иронией, но без раздражения. Не пишите общих фраз о трудностях, угадываете вы то, что не договаривает Владимир Михайлович. А вот конкретно: дать строителям Севера более приспособленное жилье, дать передвижной книжный киоск («живем от почты до почты, расхватываем каждый листок печатной продукции»), помочь с овощами, с фруктами, с молоком для ребят — детворы в поселке все больше с каждым месяцем!— вот это необходимо без промедления.

Сколько лет Плотникову? Глубокая вертикальная морщинка между бровями, неторопливая обстоятельность речи. Во всей повадке, в интонациях басовитого голоса —

Ртутный столбик упал ниже 40°. Но жизнь в Снежногорске не замирает.

Комплексная бригада, которая строит дома в Снежногорске. Слева направо: Степан Павлович, бригадир Лувий Березин, Василий Тищенко, Иван Чернышов, Владимир Карпенко, Геннадий Васильев.

Эти парни избрали своим девизом:

Мы раздвинем
Завьюженный лес.
Мы построим
Хантайскую ГЭС.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ГИДРОСТАНЦИЯ В МИРЕ БУДЕТ!

Пока только навесной мост, смело перекинутый через Хантайку, соединяет правый берег с левым. Но здесь ляжет могучая плотина высотой в 60 метров.

Фото Г. КОПОСОВА.

Морозный денек.
Саратовская область.
Фото А. ГОСТЕВА.

спокойное достоинство много испытавшего человека. А он совсем не стар. Только в 1951-м оставил институтскую скамью. Однако успел уже побывать прорабом на строительстве Иркутской ГЭС (и его имя — среди ста сорока других имен — значится на мемориальной доске здания Иркутской ГЭС), а потом построить водосливную плотину и щитовую стенку на Мамаканской ГЭС.

— ...Морозы там тоже суровые, но без ветра. И нет вечномерзлотного грунта — для строителей благодать!

Он ведь знал, что на Хантайке встретится с этим «противником № 1», с каверзной мерзлотой. И все же сам попросился сюда. Мало того. Уговорил поехать с собой большую группу мамаканцев — мастеров и рабочих.

— И как же вы справляетесь с «противником № 1»?

— Только не понимайте мои слова буквально. Она, мерзлота, и противник и друг. Точнее говоря, она географический, геологический факт, из которого надо исходить. Норильск построен на ней. Теперь нам предстоит в тех же условиях построить каменно-набросную плотину высотой в шестьдесят метров, две дамбы высотой в тридцать метров, здание ГЭС под землей, в скале, городок на правом берегу. Пока ставим там, на правом, дома из бруса, но задуман и смелый архитектурный комплекс: жилой корпус из блоков со всеми современными удобствами, плюс плавательный бассейн, плюс стадион,— они будут соединяться с домом крытыми переходами с кровлей из светопрозрачного стеклопластика, так что будущим жителям Снежногорска станут нипочем метели и морозы.

Но все это,— продолжает главный инженер,— если справимся с капризами грунта. Мерзлота в нашем районе — островного характера. То есть не сплошная. В рыхлых породах температура колеблется от минус два до минус четыре. Существует опасность просадок. Вялая мерзлота — штука неприятная. Задача — сохранить, использовать подземный холод. Прочный ледяной панцирь — это ведь лучший цемент!

— Но если...— робко начинаете вы.

— Волков бояться...—усмехается он.— Нас вдохновляет и вооружает опыт Норильска. Вы знаете, что весь Норильск стоит на сваях? И прочно стоит! В скважины нагнетается специальный раствор: он создает вокруг оснований свай монолит. Столбы заглубляются на пять метров в землю, все подполье здания продувается,— таким образом создается «консервация» вечной мерзлоты. Мы тоже найдем средства, чтобы разгадать свои, хантайские... точнее снежногорские, загадки. Только, конечно, помощь, особенно ученых, специалистов по мерзлоте, нам, практикам, сейчас особенно остро нужна.

Они, строители, понимают, что сложные технические и экономические вопросы не решаются с кондачка. И все же большая просьба у них к товарищам из Госплана и Совета народного хозяйства, а также и красноярских учреждений: не тяните там, где уже есть ясность, не создавайте лишние проволочки при утверждении проектной документации. Не забывайте, что здесь, на Хантайке, уже третий год живет и борется немаленький коллектив советских людей — рабочих, инженеров, геологов, научных работников. Эти люди уже много вынесли, испытали. Эти люди вручную разгружали первые баржи, прошедшие от Устья до Снежногорска летом 1963 года, таскали на крутой берег стокилограммовые кули («метров пятнадцать пронесешь — ноги дрожат»), считали лакомством тарелку горячих щей из консервов, приправленных комарами, а порой и голодали, особенно после ночных визитов медведей, пожиравших все скудные продовольственные запасы экспедиции, кроме соли. Но все это и многое другое не страшно, если есть главное: если работаешь с уверенностью в успехе.

* * *

Имя городку придумал кто-то из неукротимого племени романтиков. Шли со смены бригадой, парень посмотрел на засыпанные снегом по макушку палатки, «балки» — и вдруг его осенило:

— А что, если так — Снежногорск?

И сразу откликнулись голоса товарищей:

— Подходяще!

— Утвердить!

А потом уж и Советская власть утвердила.

Название привилось. Хотя, казалось бы, веет от него стужей, холодом...

Да и не страшны морозы, когда дружен и сплочен коллектив, когда чувствуешь тепло человеческой заботы!

Все большее число снежногорцев перебирается жить в добротные дома. На дизельной пущен уже третий агрегат. Вот-вот даст тепло котельная. Первые десятки снежногорских ребятишек уселись за парты в первой школе. Скоро к пешеходному мосту прибавится автомобильный, по которому смогут пройти 25-тонные самосвалы.

Весна нынешнего года будет первой весной, когда на Хантайке начнут сооружение главного — прежде всего тоннелей!

Мало еще кто знает о Снежногорске, пока скупо говорит о нем печать, радио. Но — удивительное дело!— отдел кадров строительства Хантайской ГЭС беспрерывно штурмуется молодежью. Летят, едут сюда частенько без вызова, на свой страх и риск. Плотников показал мне толстенную пачку писем.

— Вот эти получены только за последние три дня. Хоть ничем не занимайся, а только отвечай. Ребята хорошие...— Он рассеянно перебрал листочки.— Но нам ведь сейчас нужны не просто энтузиасты.

Знакомы мне были мысли главного инженера. Великому наступлению на Приенисейский Север нужна сегодня не одна лишь честная готовность к подвигу. Нужны тренированные современной наукой головы, терпеливые, выносливые, способные к длительному кропотливому труду характеры, много умеющие руки.

И здесь мне хочется рассказать о Тамаре Чумляковой.

В 1956-м она, вчерашняя школьница, едет по комсомольской путевке на ударную стройку на Кольском полуострове. Вместе со сверстниками строит город Заполярный. Через два года поступает учиться в Ленинградский инженерно-строительный (ЛИСИ).

Осенью 1962-го я встретил Тамару, когда она проходила производственную практику в Аллаках, только что возникшем рабочем поселке в ста километрах от Заполярного. Доверили ей немаловажный объект — дробильную установку будущего рудника. Работала она с увлечением, быстро разбираясь в чертежах, пользуясь уважением строителей, многие из которых еще помнили «нашу Томку» разнорабочей. Эту неспокойную душу уже тогда тянуло в места еще более суровые—туда, где северный климат не смягчен, как на Кольском, дыханием Гольфстрима.

Профессор Докучаев, известный специалист по строительству на вечномерзлотных грунтах, увлек ее воображение своими лекциями. Научные работники ЛИСИ готовили сборник по этой проблеме. Как сказала Тамара, она тоже «заразилась мерзлотой». Это и предопределило выбор темы для ее дипломной работы.

...Вернувшись из Снежногорска в Норильск, я сидел в номере гостиницы над путевым дневником. В дверь несмело постучали. И тут вписалось в дневник самое интересное.

На пороге номера — знакомая маленькая девичья фигурка в валенках, в шубке, с хозяйственной сумкой в руке. Знакомый серьезный взгляд карих глаз.

— Сказали мне, что вы только из Снежногорска,— начала она, будто извиняясь.— Захотелось повидать. Думала: может, неудобно в гостиницу, но...

— Молодец, что зашли, Тамара! Садитесь. Как вы? Что вы?

Она села, не снимая шубки, положив на колени сумку. Рассказала, что диплом защитила хорошо. Сама попросила комиссию по распределению направить ее в Норильск. Из Красноярска до Дудинки добиралась на теплоходе. Енисей — это чудо из чудес! В дороге познакомилась с комсомольцами-норильчанами, работниками комбината. Новые друзья помогли устроиться. Все у нее хорошо. Быт налажен. Но вот работу пока дали не очень интересную — послали строить столовую для рабочих никелевого завода. Она понимает: и это нужно, какой может быть разговор! Все делает, что положено прорабу, ни от каких мелочей не отказывается. Но все же хочется испытать себя как инженера-строителя на более серьезном.

— Как там, в Снежногорске?

Мне было радостно поделиться с ней всем, что только что увидел.

Я рассказал Тамаре о Плотникове и других хантайцах. О заваленной кернами лаборатории геологов. О каньоне, где дует, как в аэродинамической трубе. О первых двухэтажных домах из бруса на правом берегу. Рассказал, что тревожит строителей: как повысить надежность механизмов в условиях, когда от стужи порой лопаются стрелы экскаваторов; как проложить тоннели большого сечения в малоизученных слоях мерзлой и зыбкой земли; как не только построить плотину и гидростанцию, но и сохранить стенку леса между поселком и будущим водохранилищем, чтобы злые ледяные ветры не прорвались на юг и не погубили «зеленое море тайги», о котором так хорошо поется в задушевной песне Пахмутовой.

Она слушала, не шевелясь. Потом тихо сказала:

— Значит, эти годы я не потеряла.

Не сразу понял ее.

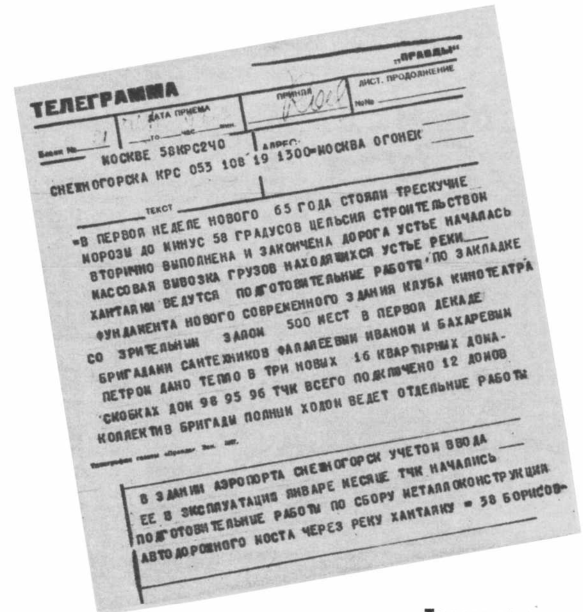
— Какие годы, Тамара,?

— Институтские. Некоторые, помните, меня укоряли: «Поработала два года — и уехала в институт». Теперь еще больше убедилась, что сделала правильно.— Она поднялась:—Вы извините, мне пора.

...Иногда мне мечтается, что когда-нибудь еще раз увижусь с моим юным другом возле покоренной Хантайки!

* * *

Этот номер журнала был сверстан, когда пришла телеграмма из Снежногорска:

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВЕ 58КРС240 — МОСКВА ОГОНЕК

СНЕЖНОГОРСКА КРС 053 108 19 1300

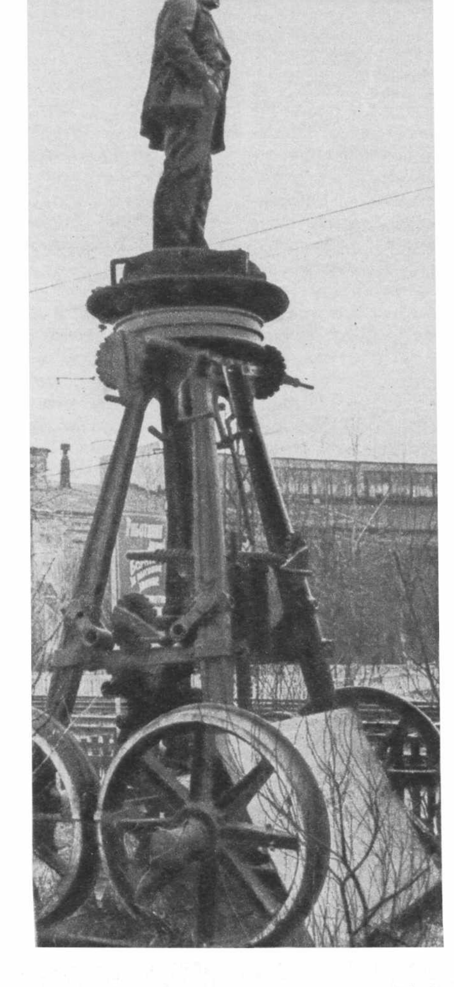
=В ПЕРВОЙ НЕДЕЛЕ НОВОГО 65 ГОДА СТОЯЛИ ТРЕСКУЧИЕ МОРОЗЫ ДО МИНУС 58 ГРАДУСОВ ЦЕЛЬСИЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ ВТОРИЧНО ВЫПОЛНЕНА И ЗАКОНЧЕНА ДОРОГА УСТЬЕ НАЧАЛАСЬ МАССОВАЯ ВЫВОЗКА ГРУЗОВ НАХОДЯЩИХСЯ УСТЬЕ РЕКИ ХАНТАЙКИ ВЕДУТСЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПО ЗАКЛАДКЕ ФУНДАМЕНТА НОВОГО СОВРЕМЕННОГО ЗДАНИЯ КЛУБА КИНОТЕАТРА СО ЗРИТЕЛЬНЫМ ЗАЛОМ 500 МЕСТ В ПЕРВОЙ ДЕКАДЕ БРИГАДАМИ САНТЕХНИКОВ ФАЛАЛЕЕВЫМ ИВАНОМ И БАХАРЕВЫМ ПЕТРОМ ДАНО ТЕПЛО В ТРИ НОВЫХ 16 КВАРТИРНЫХ ДОМА СКОБКАХ ДОМ 98 95 96 ТЧК ВСЕГО ПОДКЛЮЧЕНО 12 ДОМОВ КОЛЛЕКТИВ БРИГАДЫ ПОЛНЫМ ХОДОМ ВЕДЕТ ОТДЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ЗДАНИИ АЭРОПОРТА СНЕЖНОГОРСК УЧЕТОМ ВВОДА ЕЕ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ЯНВАРЕ МЕСЯЦЕ ТЧК НАЧАЛИСЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПО СБОРУ МЕТАЛЛОКОНСТРУКЦИЙ АВТОДОРОЖНОГО МОСТА ЧЕРЕЗ РЕКУ ХАНТАЙКУ = 58 БОРИСОВ=

Телеграмма подписана Виктором Ивановичем Борисовым, начальником строительства Хантайской ГЭС.

Достойно встречен снежногорцами завершающий год семилетки.

Успеха вам во всем, строители Хантайки, люди смелой мечты и благородного трудового подвига!

ВОЗДВИГНУТ РАБОЧИМИ...

У нас на территории Московского локомотивного депо Октябрьской железной дороги стоит памятник Владимиру Ильичу Ленину. Это не обычный памятник. Он установлен в 1925 году, в канун празднования восьмой годовщины Октября. Вот его история, которую рассказал машинист М. В. Васильев, ныне пенсионер: рабочие вагонных и паровозных мастерских предложили поставить в депо памятник вождю революции. Вагонников и паровозников поддержали с энтузиазмом. На памятник, конечно, нужны средства.

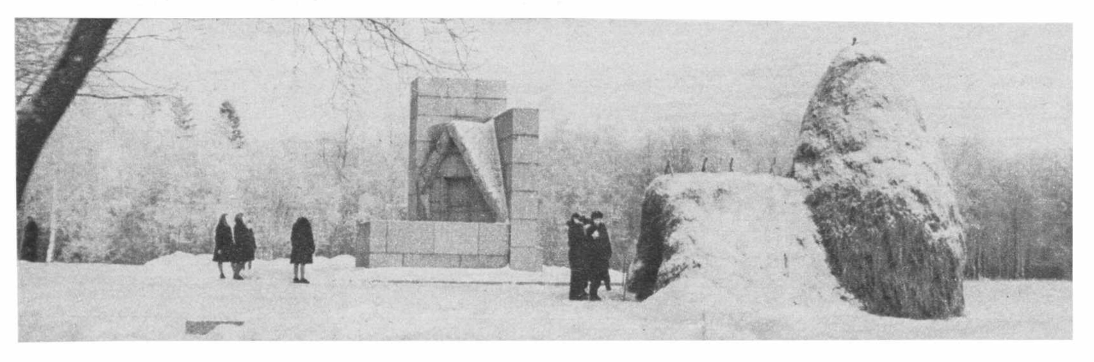
Провели несколько субботников во внеурочное время по ремонту вагонов и паровозов, собирали и сдавали металлический лом. На заработанные деньги заказали скульптуру. Но еще необходим постамент. Его, как сумели, сделали сами рабочие. Постамент сложен из колесных пар, поставленных прямо на рельсы, из частей паровозов и вагонов.

На памятнике укрепили скромную табличку: «Воздвигнут рабочими паровозных и вагонных мастерских 5-го участка тяги Окт. ж. д.».

Б. ЛУКИН,
машинист Московского локомотивного депо Октябрьской железной дороги

Фото Б. Кузьмина.

Из Ленинграда в редакцию прислал этот снимок И. Зиновьев. Разлив. Памятник — шалаш В. И. Ленина.

ВСТРЕЧА В ПОСЕЛКЕ ЛОКСА

8 августа 1941 года эскадренный миноносец Балтфлота «Карл Маркс», выполняя боевое задание, пришел в маленький эстонский поселок Локса. Здесь корабль подвергся ожесточенному налету фашистских «юнкерсов». Бой сложился неудачно для эсминца. Серия бомб легла по правому борту, разорвав его. Одна из бомб попала в катер, на котором находились бочки с бензином. Горючее разлилось по гавани и воспламенилось. Многих матросов сбросило в воду. Вода горела...

Многие моряки получили тяжелые ожоги. Погиб корабельный доктор. И тогда жители Локсы пришли на помощь нашим матросам.

Врач Херман Вальток органи-

ПИОНЕРСКИЙ ЦИРК

НА ЗИМНЕМ МАРШРУТЕ

На побережье Охотского моря бригада пастухов Василия Бана пасет большое стадо оленей колхоза «Путь Ленина». И хотя далеко от центральной усадьбы пролегают зимние маршруты оленеводов, они постоянно в курсе всех важных событий.

В бригаде есть радиоприемники «Спидола». Кроме того, и почта в тундре не редкая гостья.

Пастух Канчалан — агитатор. Его слово тоже помогает оленеводам жить едиными мыслями со всеми колхозниками Крайнего Севера.

На снимке: бригадир Бана (слева) и пастух Канчалан.

Фото Б. Коробейникова.

Магадан

ЗАПИСКИ В ПАТРОНЕ

Патрон пролежал в земле более двадцати лет. И вот его нашли учащиеся школы № 26 города Попасная, нашли там, где шли жестокие бои во время Великой Отечественной войны. В гильзе оказались две записки. Одна написана фиолетовым карандашом, вторая — темно-бурыми буквами, возможно, кровью человека. Тексты стерлись, их нельзя было прочесть. Тогда обе записки были отправлены в Харьковский научно-исследовательский институт судебной экспертизы. Специалисты восстановили часть текста. Фиолетовым карандашом написано: «1942 год. До свидания, дорогие товарищи. Я погибаю. Два мои товарища погибли, остался я один жив. Рядом зарыт мой пулемет, прошу не забывать этого бугорка».

На противоположной стороне: «У меня родная любимая мать. Вот пришел и мне конец, немцы бьют со стороны. Всем привет от меня. До сви...»

На втором клочке написано: «42 год, пули конч... милия... Остроногов».

Что таят эти отрывочные фразы?

А. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

40 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ПЕШКОМ

Недавно железнодорожники станции Горхон Восточно-Сибирской дороги встретились с путешественником-пешеходом Алексеем Андреевичем Поликарповым. Свое путешествие Алексей Андреевич начал в Омске в сентябре 1959 года. С тех пор он побывал во всех союзных республиках. Был и на юге страны — в Термезе и на севере — в Архангельске. Из Горхона он отправляется в Читу.

зовал на берегу перевязочный пункт. Провизор Арнольд Саар отдал все бинты и пасту от ожогов, которые были в местной аптеке. Женщины принесли чистые полотенца, простыни, скатерти и разорвали их на бинты. А в это время в местной школе-интернате учителя Микивер, Тампалу, школьницы Эви Пармас, Хильма Юргенс, Сальме Вейденберг устроили госпиталь. Расставили койки, положили простыни, подушки, одеяла. Вскоре на лошадях привезли матросов. Раненные, обожженные, они нуждались в заботливых женских руках. И Пармас, Килланди, Трусс, Лузенберг, Тиик, Тампалу, Аллик и многие другие женщины поселка добровольно стали медицинскими сестрами, санитарками. Они приготовили обед, принесли ягоды, фрукты, свежий домашний хлеб. Рабочий кирпичного завода Юлиус Юргенс привез несколько бидонов молока.

Был составлен график ночного дежурства у коек матросов.

Рядом были фашисты... Они ворвались в поселок на следующий день. Но матросы уже были вывезены в Таллин.

За помощь морякам фашисты арестовали многих локсасцев: Лайнела, Юргенса, Тампалу и других. От рук бандитов погиб Леонхард Гнадеберг.

Так маленький поселок в Эстонии совершил коллективный подвиг.

Пять лет разыскивал я участников этого волнующего эпизода Великой Отечественной войны. И вот спустя 23 года жители Локсы встретились с бывшим командиром эсминца «Карл Маркс» капитаном 3-го ранга в отставке Л. В. Дубровицким. И, конечно, всем захотелось сфотографироваться у школы, где когда-то лежали раненые матросы...

М. КОРСУНСКИЙ

Фото В. Хмельницкого.

Слева направо: Э. Килланди, Ю. Трусс, Л. Дубровицкий, А. Микивер и С. Вейденберг.

РЕДКИЙ СНИМОК

Весной 1910 года Ф. И. Шаляпин совершал очередную гастрольную поездку — Ростов, Киев, Харьков.

В каждый приезд в Харьков певец навещал своих тамошних друзей. Одним из них был видный харьковский врач профессор С. Г. Сурукчи. У меня хранится снимок, сделанный неизвестным фотографом-любителем в саду у Сурукчи во время майских гастролей Шаляпина в 1910 году. Ф. И. Шаляпин снят вместе с С. Г. Сурукчи (третий справа стоит) и группой харьковской интеллигенции.

В. ГИТЕЛЬМАХЕР

г. Харьков.

При Харьковском Дворце пионеров и школьников имени П. П. Постышева организован пионерский цирк. Желающих заниматься оказалось достаточно. Пришли ребята из многих школ Харькова.

Занятия жонглированием, акробатикой и эквилибристикой воспитывают у ребят легкость и точность движений, ловкость, упорство, настойчивость.

Участники пионерского цирка с успехом демонстрировали свое искусство в школах у новогодних елок, в Доме писателей, на «Голубом огоньке» во Дворце пионеров и по Харьковскому телевидению.

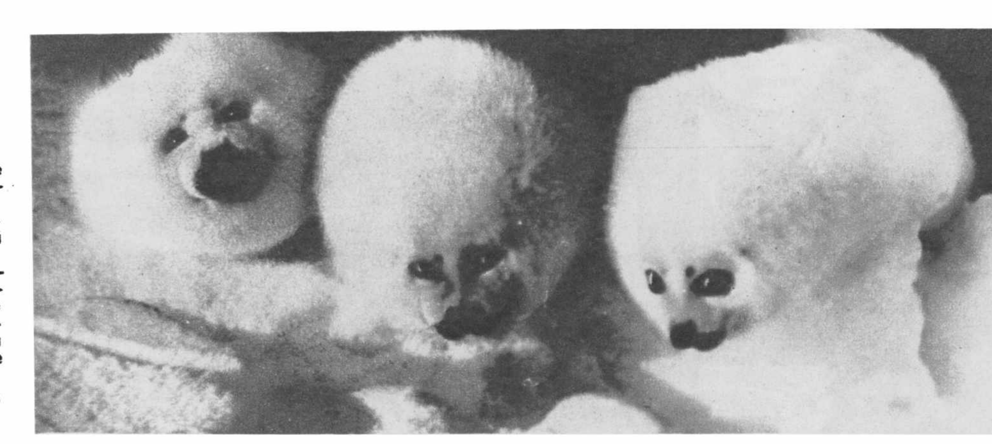
Занятия в пионерском цирке при Харьковском Дворце пионеров. Слева направо: жонглер Надя Литвинова, партерные акробаты Миша Чернопиский и Миша Кравченко, клоун Валерий Шуть, балансер-эквилибрист Саша Соломонов.

Север. Белое море, где ежегодно проходит промысел тюленя.

Бельки (детеныши тюленей), — промысловый пушной зверек. Они очень доверчивы к человеку, спокойны и даже «гостеприимны». Но как вырастут, становятся агрессивными и опасными, иногда даже нападают на человека.

Врач С. ТИМОХОВ

г. Архангельск.

Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре. Хочет побывать в Сахалине и на Камчатке, а окончить свое путешествие думает в Иркутске в сентябре этого года. Всего Алексей Андреевич намеревается пройти 40 тысяч километров.

А. А. Поликарпову 66 лет. Чувствует он себя хорошо. По окончании путешествия собирается написать книгу.

Я сфотографировал Алексея Андреевича во время его встречи с горхонскими железнодорожниками.

И. НЕРОДОВ, сигналист пароподъемного крана

ст. Горхон. Бурятская АССР.

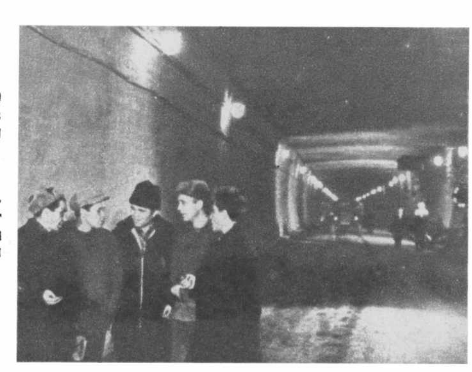
НА ОРЛИНОЙ ВЫСОТЕ

Нетающие снега перевала Тюз-Ашу — Верблюжий перевал. Орлиная отметка — 3 200 метров. Здесь в скалах пробит тоннель из Северной Киргизии в Южную. Протянулся он на два с половиной километра.

Благодаря тоннелю на 3 месяца дольше можно будет держать скот из северных районов Киргизии и Казахстана на летних пастбищах Сусамыра. Теперь чабаны не будут торопиться покидать горы, опасаясь плохой погоды. Работа на великом Киргизском тракте дороги Фрунзе — Ош продолжается. Целиком дорога будет сдана осенью 1965 года. Ее общая длина — 600 километров.

Б. БУРТ

Фото автора.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ!

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Январь 1942 года. Керчь. Отступая, фашистские войска расстреляли близ города тысячи мирных жителей, сбросив их тела в противотанковый ров.

«...Женщины на поле битвы разыскивают среди мертвых своих близких; их плач перестает быть только личным, он становится плачем Человечества...»,— так сказал об этой фотографии Генрих Бёлль.

Сколько ног у скарабея?

Скорпионы и лягушки, тарантулы и ящерицы, минералы и восковые яблоки — вот «продукция» фабрики «Природа и школа». Более полувека назад так назвали московские любители природы созданную ими фабрику. И до сих пор это — единственное в стране предприятие, которое выпускает глобусы, гербарии, коллекции — пособия для школьной программы. Правда, размах производства сейчас совершенно иной: счет идет уже не на десятки и сотни, а на тысячи и сотни тысяч экземпляров.

Откуда же берется сырье для всех этих коллекций? Ведь только растений фабрике нужно десятки миллионов корней в год. Миллионы насекомых, сотни тысяч килограммов кристаллов горного хрусталя и апатитов. А еще ягоды, семена, шишки...

В летнее время на плотах и на лодках, на лошадях и пешком, по горным кручам и таежным тропам отправляются в походы охотники за насекомыми, лягушками, змеями и ящерицами. Они собирают цветы и траву, ягоды, коренья и минералы и доставляют свои трофеи на заготовительные пункты—своеобразные летние цехи фабрики. Эти пункты есть в далеком Уссурийске и Душанбе, в Мурманске и в Крыму, на Украине, на Кавказе и в Подмосковье. Здесь «сырье» проходит первичную обработку и уж потом поступает на фабрику.

Сорок лет проработал на фабрике Анатолий Васильевич Цветаев. Он объездил с экспедициями весь Дальний Восток, Крайний Север, Среднюю Азию, Кавказ и Крым.

Анатолий Васильевич знает много интересного об удивительном мире насекомых — об их жизни, нравах и повадках.

...Мы в зоологическом цехе фабрики. Здесь работают с аккуратностью ювелира: ни один усик, ни одна ножка не должны быть обломаны.

На полках в коробках со стеклянным верхом выстроились насекомые. Яркие и матовые крылья расправлены, ножки оттянуты так, что напоказ выставлены каждый вырез или гребешок, каждый, даже самый незаметный шипик или шпора.

В легком картонном ящичке, дно которого выложено ватой и покрыто белой бумагой, собраны представители типа членистоногих. Вот огромный жук в черном блестящем мундире-панцире, лапки у него толстые и широкие. Это скарабей, прославившийся еще в глубокой древности своим поразительным умением лепить из навоза абсолютно правильной формы шары. Долгое время считалось, что шары — колыбель скарабея. Но французский натуралист Ж. Фабр десятки лет вел свои наблюдения и выяснил — шары скарабея только его пища. Ее он стремится поскорее спрятать, чтоб в одиночку пообедать в тишине своей подземной столовой: стоит зазеваться, и какой-нибудь ловкач отберет лакомый шарик — скарабеи отчаянные ворюги!

Скарабей.

Бабочки-красавицы.

Жуки-олени.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Комплектовщица А. Е. Лемницкая.

Жителям юга предоставлена большая «аудитория»... Какая интересная поза у этого насекомого: ножки прижаты к груди, головка на тонкой шейке поднята кверху — кажется, что насекомое молится. Это богомол. Но какой жестокий нрав скрывается за этой смиренной наружностью! В самом деле, богомол ведет себя среди насекомых, как кровожадный тигр в джунглях. Его оружие — сильные передние ноги с острыми шипами, они намертво поражают жертву. Как только приближается добыча, богомол преображается: надкрылья раскрыты и откинуты в стороны, крылья развернуты во всю ширину и, словно огромные паруса, возвышаются на спине. Он грозно шуршит и пристальным взглядом следит за своей жертвой, будто хочет испугать ее. Мгновение — и жертва зажата страшными ногами, богомол опускает крылья — знамя войны,— начинается пир.

Богомол легко расправляется с кузнечиками, саранчой, пчелами, кобылками. Не брезгует и своими сородичами, не уступая паукам, заслужившим такую дурную славу. Когда самки ссорятся между собой, они царапаются, как кошки.

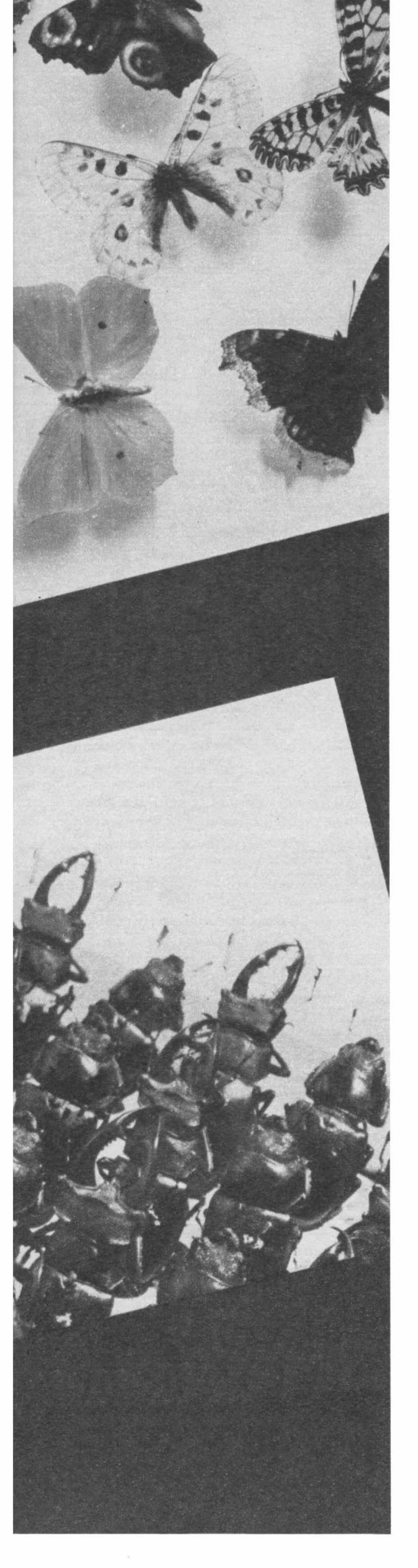
Однако у грозного богомола есть страшный враг — особый вид ос—тахиты,—который так и называется «тахит — убийца богомолов». Оса легко и грациозно ускользает от ужасной хватательной машины богомола и успевает мгновенно вонзить свое острое жало ему в затылок, где расположены нервные центры.

В большой стеклянной коробке собраны десятки разных видов ос, переливаются всеми оттенками желтого цвета их тоненькие, подвижные тельца с яркими черными полосками.

Осы — бесстрашные бойцы. Оса-помпил, например, всегда одолевает пауков, даже страшных чернобрюхих тарантулов, которые запросто могут убить воробья и крота.

Военные хитрости осы сводятся к одному — вытащить паука из засады-крепости, защищенной паутиной, бросить его на землю и напасть в открытом поле. Оглушенный падением, паук поднимает ножки и старается втиснуться в землю. Оса подбегает, удар в грудь — все кончено, паук парализован. Именно парализован, а не убит. Помпилы кормят свое будущее потомство только свежим провиантом. А парализованные пауки не разлагаются, и личинки помпила на всю свою короткую жизнь обеспечены дичью.

Как балерины в разноцветных юбочках, отутюженных и накрахмаленных, сидят

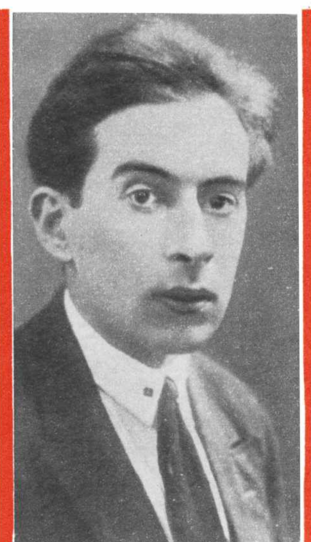

на деревянных дощечках-расправилках бабочки-красавицы. Их яркое, сверкающее убранство не должно, однако, радовать. Многие бабочки, вернее их гусеницы,— страшные вредители лесов и садов: походный и непарный шелкопряды, капустницы, яблочная плодожорка...

По самым различным темам подобраны здесь насекомые: «Примеры покровительственной окраски», «Мимикрия», «Индивидуальная изменчивость»...

50 тысяч коллекций в год получают школьники Москвы и других городов. На уроках, рассматривая свои многочисленные пособия, ребята могут сами сосчитать, сколько ног у скарабеев, посмотреть, какую пищу употребляет жук-олень и как может замаскироваться под осу самая обыкновенная муха-осовидка.

Об Иване Катаеве

Ефим ПЕРМИТИН

О первых шагах в литературе, как о первой любви, трудно рассказывать коротко: подступает и одно и другое, и все кажется дорогим, все просится на бумагу.

Мое знакомство с Иваном Катаевым связано с первыми моими романами.

1928 год. Новосибирск — город-юноша в гремящей прозодежде. Я редактор ежемесячника «Охотник и пушник Сибири». В литературном отделе этого журнала печатались известные московские писатели М. Пришвин, Павел Васильев, Николай Зарудин, Н. П. Смирнов...

Горячее это было время. Молодая столица Сибири, как и вся страна, была в лесах строек. Не по дням, а по часам мужал Советский Союз.

Мне было тридцать два года. Запас сил казался безграничным; днем — редакторская работа, увлекательные охотничьи экспедиции, а в зимние ночные часы писал роман «Капкан» (первая книга эпопеи «Горные орлы»). Помню, как поставил точку в последней главе и отправил рукопись в незнакомое московское издательство «Федерация». А через десять дней (современные издатели маринуют рукописи по году и более) уже получил телеграмму, слова которой и сейчас помню: «Поздравляем успехом. Приезжайте заключения договора. Секретарь издательства Губер».

Так начался мой путь в литературу, завязались непосредственные знакомства с московскими литераторами. Борис Губер, Николай Зарудин и Иван Катаев — товарищи по литературному содружеству «Перевал» и неразлучные друзья.

В первый мой приезд в Москву я много хорошего услышал об Иване Катаеве, как о талантливом писателе и как о замечательном человеке, но самого Катаева встретить не удалось: он был в одной из своих многочисленных поездок по стране.

Заядлые охотники — москвичи Губер, Зарудин, Правдухин и Кудашов, наслушавшись рассказов о сибирских охотах, с той поры ежевесенне стали моими гостями и спутниками по охотам за гусями на Барабинских озерах.

У охотничьих костров столичные мои друзья много и горячо говорили об Иване Катаеве и его произведениях.

Даже у Губера, человека суховатого, но и у него, когда он говорил о Катаеве, загорались глаза. Я прочел сборник Ивана Катаева «Сердце» и тоже был пленен творчеством этого талантливого писателя-коммуниста. Меня покорили и поэтическое ощущение мира, и глубокое понимание ответственности писателя перед временем и народом: каждое его произведение было и остро современно и полно любви к жизни, к человеку.

Перечитывая, передумывая Ивана Катаева, я все больше и больше восхищался незаурядным умом и зорким глазом писателя, его чувством русского языка, искусством точного диалога, любовью к русской природе, умением живописать ее в своем, катаевском, каком-то динамическом процессе, в лирико-интимном и в то же время глубоком философском проникновении.

Не могу не привести отрывка, в котором Иван Катаев устами кулака-баптиста Нилова показывает подмосковную березовую рощу: «Есть у меня, молодой человек, за хутором, по берегу речки, любимая березовая роща. Туда хожу я по праздникам, в строгом одиночестве,— помолчать и помолиться богу земли нашей. Растет моя роща по крутому склону, от самой воды и доверху взбегает стройными белыми березами. Совсем еще молодая она, тонкоствольная, сквозистая. Похожу я там, постою в обнимку с березой, глядя на солнечную, искрящуюся меж деревьями гладь, а потом ложусь на траву, на спину, ногами к реке. Сразу раскрывается близко перед моими глазами синее небо и устремившиеся в него тонкие стволы, до самых верхушек гладки они, без сучьев, одеты нежной, беспорочной берестой, и только наверху шевелится, шепчет, играет с пролетными облаками яркая, блистающая под солнцем листва. Ничего, скажу я вам, нет на свете отрадней и краше, как зеленые свежие ветви, шевелящиеся в ясной синеве... Так ласково врачуют они скорбную мысль, так возносят облегченный дух!.. И вот начинают туманиться глаза мои слезою умиленья, и вдруг открывается мне, что не березы это вовсе надо мной, нет, не березы... Молоко, вижу я, белое молоко прямыми, округлыми струями льется с неба...»

Отрывок этот покорил меня не только сам по себе, но и как подлинно новаторский прием писателя, посредством которого он раскрывает душу своего героя, показывает не примитивно-стандартного кулака — человека-волка с оскаленными зубами, каких появилось бесчисленное множество в книгах того периода, а дает сложный образ «прогрессивно-образцового хозяина», который и любит и понимает природу и даже Советской власти симпатизирует, конечно, до тех пор, пока она не ударит его по «загребущим рукам».

И уж, конечно же, автор не воспевает кулака, а, наоборот, вскрывая всю сложность обстановки в деревне того времени, ратует за бóльшую зоркость и непримиримость борьбы с изощреннейшими ниловыми, в чем со всей очевидностью убеждает превосходно написанная сцена собрания, на котором беднота разбивает кулацкий блок, возглавляемый «первейшим заправилой» Ниловым.

Тем неожиданнее и несправедливей показались мне резкие нападки тогдашней рапповской — «оглобельной» — критики на эти произведения Ивана Катаева.

Проработочных дел мастера со всей категоричностью отнесли писателя к опасной категории мелкобуржуазных гуманистов, проповедовавших жалость к врагу.

Как же подобная несправедливость терзала душу художника-правдолюбца!

Помню, как обрадовался я, когда в одной из всегда умных, страстных и прямых —прямотой и страстностью коммуниста — статей своих Катаев заявил, что он никогда не мог думать и не думал о гуманизме как о христианском всепрощении...

Лично с Иваном Катаевым я познакомился в начале 30-х годов, когда переехал из Новосибирска в Москву.

Было это в полуподвальном этаже издательства «Федерация», находившегося тогда в глухом тупичке у Большого театра. Помню, шло заседание редакционного совета, в состав которого вскоре же после переезда в Москву ввели и меня.

Мы сидели с Эдуардом Багрицким, ведавшим тогда отделом поэзии, и в перерыве увлеченно говорили об аквариумах, о кормлении и уходе за рыбками как о лучшем отдыхе от напряженной литературной работы. Открылась дверь, и в редакторский кабинет вошел незнакомый мне, подобранно стройный, красивый человек с сильным лицом, с огромными темно-карими, почти черными глазами в девически длинных и густых ресницах.

Увлеченный разговором, седоголовый поэт, детски влюбленный в аквариумных обитателей, вначале не заметил вошедшего, а строгое лицо Катаева — это был он,— увидевшего своего близкого друга Багрицкого, мгновенно изменилось, стало вдруг юношески ясным, большая, лучащаяся доброта потоком хлынула из его глаз и точно затопила весь кабинет. Но, помимо доброты, в его глазах одновременно засветилась и тихая улыбка какой-то глубокой мудрости...

Огромный, розовощекий, с серебряной шевелюрой Герман Шульц — тогдашний председатель редсовета издательства — поднялся из-за стола и, широко разведя руки, с сильным акцентом сказал:

— Пошалуй, пошалуй, Ифан Ифаныч!..

И только тогда обернулся к двери Эдуард Багрицкий, а увидев вошедшего, вскочил и с таким же вдруг разом засветившимся — юношеским — лицом, роняя стулья, пошел навстречу своему другу.

Катаев кивнул и Шульцу и всем нам. Друзья обнялись и вышли в коридор.

После случайной этой встречи долгое время мне не удавалось видеть Катаева: друзья мои сказали, что он ездит по колхозам Кубани. И действительно, в «Правде» начали печататься его очерки о коренной перестройке в кубанских станицах.

Как и предыдущие произведения Катаева, очерки эти были правдивы и ярки. В них, не скрывая трудностей, писатель запечатлел сложность и многогранность древнего деревенского уклада жизни, увидел и все, самые мельчайшие ростки нового, пробивающегося в ней.

Пытливость, вдумчивость, необычайная зоркость помогла писателю, прирожденному горожанину, за двухмесячную поездку по кубанским станицам, разворошенным коллективизацией, рассмотреть и осмыслить столько новых человеческих характеров, уловить столько намечающихся граней и оттенков новой жизни, что их хватило бы на остросоциальный роман, но Катаев, как взыскательный художник, увиденное, написанное считал лишь этюдами к большому полотну и запечатлел в боевых очерках.

Привлекала меня в Катаеве и чуждая сектантской ограниченности широта его взглядов на советское искусство, бесстрашие, с которым он высказывал свои мысли в недоброй памяти времена культа и злобной групповой нетерпимости.

Помню его выступление в 1936 году в Союзе писателей, когда он требовал от художников слова создания подлинно народных произведений. Народных по всей своей сути, по общему устремлению идей, по всему духу своему, а не по поверхностному стилизаторству под народное искусство.

И как же этот широкий, умный и честный писатель, все время ратовавший за глубокое изучение культур братских народов, за тесную дружбу и взаимообогащение искусств, презирал ограниченных националистов всех мастей и оттенков, закрывающих глаза на все, что создано не ими или не служит узким интересам их касты!.. Какими гневными словами бичевал Катаев бескрылое цивилизаторство и холодный снобизм.

Еще в тридцатых годах писатель-коммунист требовал, чтоб был нарушен наконец «...заговор молчания о главном человеке нашего времени — о простом, о малом, ставшем самым великим, о великом, шагающем в строю рядовых, о незаметном, который замечен всеми, и о таком, которого заметит один лишь художник.

И чтобы все это было истинно, узнано, а не угадано, а не с к о н с т р у и р о в а н о (разрядка моя.— Е. П.), чтобы исходило от сердца писателя, а в сердце вошло прямо и грубо от работающих, небалованных, умных и честных людей. И уж тут мы, конечно, не будем устанавливать никаких норм и пропорций: столько-то выразить в искусстве душ пролетарских, столько-то колхозных. Это ни к чему...»

Поразительна прозорливость Ивана Катаева, цитировавшего во время этого выступления одну из своих речей, опубликованную в «Красной нови» еще в октябре 1932 года. Писатель клеймил излишнюю усложненность и слепое подражание «западным образцам».

«...Я имею в виду художественный снобизм: холодное щегольство фразой, ловким, но мелким афоризмом, эффектной метафорой—формальное новаторство ради новаторства, эстетская переусложненность, писание «под Пруста», «под Дос-Пассоса», без серьезного проникновения в эти действительно интересные искания, а исключительно ради моды и эпатации общественного мнения.

Этот снобизм находит себе покровительство в наших редакциях и издательствах, кое-кого из редакторов и критиков в последнее время сильно тянет на кисленькое и остренькое, желая показать, что они тоже не лыком шиты, тоже кое-что смыслят в «специфике искусства», они склонны поощрять все эти кунштюкки и «тонкости», тем более что наши снобы научились покрывать лаком не только букеты и дачные террасы, но и мельничный жернов, если угодно, и домны, и соревнование...»

Вспоминаешь эти слова, сказанные писателем более трех десятилетий назад, и невольно думаешь, как злободневны они и теперь.

Как сейчас вижу вдохновенное лицо, сверкающие глаза писателя, произносившего речь на многолюдном собрании. Помню дружные аплодисменты, сопровождавшие эту речь, кривые усмешки и шиканье инакомыслящих.

Личное наше знакомство состоялось чуть позднее и совершенно неожиданно для меня.

Как-то весенним вечером ко мне на квартиру зашел П. А. Павленко и, прищурив в улыбке глаза, сказал:

— Выручайте из вашего «Капкана» стоящего за дверью Ивана Ивановича...

— Из какого капкана? Какого Ивана Ивановича?

— Катаева,— все с той же улыбчивой прищуринкой сказал Павленко.

Я бросился в переднюю.

Катаев, глуховато покашливая, как-то прямо, торчком подал мне руку и сказал своим густым приятным голосом:

— Начитался ваших романов, заболел Алтаем. Грежу горными пейзажами, потомками Аввакумов — собираюсь туда на все лето, а ни маршрутов, ни местных людей, куда бы по первости приклонить главу, не знаю. Поможете?

Павленко вскоре ушел, а мы проговорили за полночь. Помню, чай нам подали, но нам было не до чая — так мы были увлечены разговором. Гостя интересовало все об Алтае, а хозяин готов был выложить все, что знал о родном крае.

Выспрашивал меня Катаев настойчиво, жадно, без всякого стеснения. Тогда же я понял, что все это диктует ему писательская честность и перед самим собой и перед народом— сделать все «как полагается», с такой взыскательностью он готовился к своей поездке.

Уехали они с писателем Николаем Зарудиным, как и советовал я им, только в начале июня, когда на Алтае после второго половодья «обрежутся» горные реки и речки, «пролягут» броды.

Вернулись в Москву осенью.

— Изъездили весь Горный Алтай. Только верхами на лошадях покрыли более трех тысяч километров,— похвалился мне всегда восторженный Николай Николаевич Зарудин, забежавший вскоре после приезда.

Ивана Катаева я долго не видал, он сразу же засел за работу. Только зимой 1937 года пришел он ко мне.

— Никому еще не показывал... Еще только первый черновик... Очень прошу, послушайте. И ради бога ругайте без всякого стеснения: боюсь, как бы какой развесистой клюквы... Понимаете?

Лицо Ивана Ивановича было полно смущения. Я впервые видел его таким взволнованным.

Мы заперлись, и он, волнуясь, начал читать мне исписанные мелким, убористым почерком страницы последнего своего алтайского рассказа «Под чистыми звездами».

Это был тот же Иван Катаев с его поэтическим ощущением мира. Все так же каждая его страница искрилась мыслью и свежими эпитетами. Композиционное мастерство, с каким был построен рассказ, еще более возросло, окрепло.

Чем дальше читал Катаев свой рассказ, тем сложней и глубже раскрывались самобытные, сильные характеры главных героев произведения: Тимки Вершнева и молодой сдержанной бригадирши Аполлинарии. Все ярче и ярче вырисовывалась неброская с первого взгляда красота милого ее лица, целомудреннее и правдивее выступала нелегкая, но большая их любовь, человеческая красота этих непосредственных детей гор, живущих под чистыми звездами.

В ряде мест я просил Катаева перечитать мастерское описание некоторых пейзажей Алтая, пленившее меня своей философской глубиной и каким-то «космическим» размахом:

«В этой пустынной высокой стране, откровенно кажущей небу свои провалы, трещины и обледенелые складки, всякая подвижка времени ощущалась телеснее, чем где-либо, лишь как новый поворот этого бока планеты с его хребтами и впадинами она давала в остатке не грусть, но чувство свободы полета. День прошел — летим дальше, дыша запахами теплого сена и близких снегов...

...Думаешь: куда же это меня занесло!.. Азия, в двухстах километрах монгольская граница...

Меж тем мы и в самом деле уже забрались высоко. Когда в просветах открывалась Уймонская долина, взгляд падал, как с высоты полета, и скользил далеко через всю ее затуманенную ширь, катившую последние волны закатного света. Неясно маячили над мглою горизонта Терехтинские белки́. Они дымчато порозовели. Только воздух отделял их от нас, гигантские массивы чистого, сладкого воздуха, заполнившего эту впадину земли...»

Когда Катаев прочел это место, он посмотрел на меня и повторил:

— Сладкого воздуха, заполнившего эту впадину земли. Спасибо вам и за сладкий воздух вашей родины, и за чудесные краски алтайских гор, и за бешеные, под белой пеной реки, и за богатырски сильных, цельных ваших родичей, узнав которых, я словно бы вдвое богаче стал. Теперь только писать да писать. И обязательно роман...

Но писать Ивану Катаеву уже было не суждено. Талантливые этюды писателю не удалось перенести на полотно большой картины. С 16 на 17 марта 1937 года он был арестован. А вскоре арестовали и меня.

Последняя, печальная встреча моя с Иваном Ивановичем Катаевым была в Пугачевской башне Бутырской тюрьмы. По какому-то совпадению наши «квартиры» и там тоже оказались рядом: я сидел в одиночной камере № 222, а он с группой в три человека — № 223.

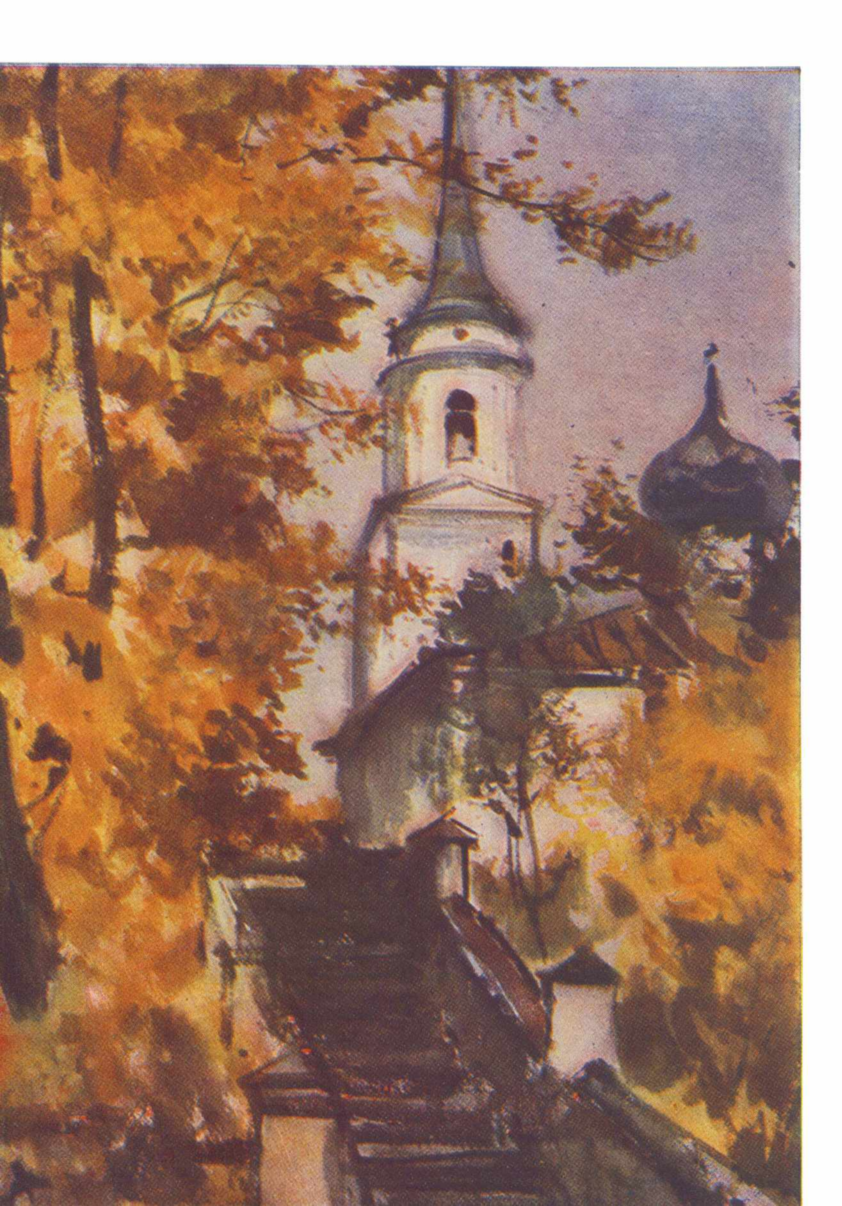
Однажды, когда меня выводили на прогулку, моих соседей привели с прогулки и вводили в камеру. Тут я и увидел — на одну секунду — Ивана Катаева. Тогда ж я сказал себе: если уцелею, выполню свой долг перед погибшими товарищами. Я уцелел, он погиб. Этим очерком о талантливом писателе-коммунисте, замечательном человеке я выполняю свой долг.

В. Богаткин. СТАРЫЙ ТАЛЛИН.

У БЕРЕГОВ ДИКСОНА.

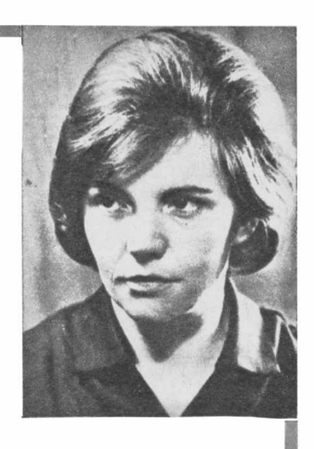
В. Богаткин. ТРИГОРСКОЕ. РЕКА СОРОТЬ.

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Римма КАЗАКОВА

Ветер в парусах...

МАЛАХОВ КУРГАН

В Севастополе Малахов курган ласково называют Малашкой.

На Малашке, на Малаховом кургане,
деревца стоят — взведенными курками.

Молодые все, как солнышко в зените,
а нацелены на небо, как зенитки!

Войны были, отшумели, отгорели.
Деревца, неужто вас не отогрели?

Ведь такое вспоминать да ворошить —
все равно что детский сад вооружить!

Видно, много, видно, слишком, выше края
здесь войны хлебнула родина родная.

Лезли — бандами, командами, полками...
Стыл Малахов, ощетинившись штыками.

И теперь, сияя вешней наготою,
деревца торчат штыками — наготове!

Кто-то выдумал решение простое:
на Малашке чебуречную построил.

Привыкают и к такому человеки.
На Малаховом рубают чебуреки!

Но, как прежде, оборону образуя,
деревца глядят в бойницы, амбразуры...

Да не тронем их неумными словами!
Мы придем сюда с лопатами, с ломами.

Там, где склонами бегут кусты вприсядку,
камень вышибем и сделаем посадку.

Чтобы новые деревья встали рядом
с этим маленьким воюющим отрядом.

Так взметались, так метались по столетьям
перед залпом в честь погибших — пистолеты.

Так в нас память — выстрел, вымпел
в будущее —
прорастает, будто семечко разбухшее...

Фейерверком рвутся почки над Малашкой —
над землей, от взрывов скорбно замиравшей.

По земле, от русской крови поржавелой,
деревца, как новобранцы: левой, левой!..

Вьются веточки, как ленты с якорями!
Далеко их видно. Даже за морями...

ПЕСНЯ ВДОВ

Уходили парни на войну,
Где теперь родные парни эти?
Ты прости, прости мою вину,
что живу я без тебя на свете.

Я одна по улице иду.
Мне степные ветры сушат губы.
Ты прости, прости мою беду,
что никто другой не приголубил.

А девчата снова у реки
на ребят своих глядят с любовью.
Неужели доченькам
платки
суждено повязывать по-вдовьи?..

* * *

Не ходи за мной, как за школьницей,
ничего не сули.
И не хочется и не колется —
не судьба, не суди.

Я еще ничуть не вечерняя,
я пока на коне.
Я еще такая ничейная,
как земля на войне.

Не держи на лёске, на поводе,
на узде, на беде,
ни на приводе,
ни на проводе,
ни в руках и нигде!

Все, что вверено, что доверено,
разгоню, как коня.
Ой, как ветрено,
ой, как ветрено
в парусах у меня!

Не кидайся лассо набрасывать —
я тебе не мустанг.
Здесь охота — дело напрасное,
в этих вольных местах.

Сквозь вселенную конопатую —
чем бы ты ни смутил —
я лечу, верчусь и не падаю
по законам светил.

У меня свое притяжение,
крупных звезд оселки...

Ну а вдруг
твое протяжение —
не узлы,
не силки?

И когда-нибудь мне, отважась, ты
скажешь так, что пойму,—
как тебе твоя сила тяжести
тяжела одному...

ИЗ СТИХОВ СЫНУ

Вступление в сказку

Есть на свете страна, называется Сказка.
Хочешь в Сказку? Поедем туда на салазках.
Полетим на коне! Или лучше — пешком,
с толстой палкой в руках и с дорожным
мешком.

Мы положим в мешок хлеб с брусничным
вареньем
а еще книжку с этим вот стихотвореньем,
потому что дороги запутаны в Сказке
и в два счета заблудимся мы без подсказки

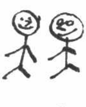
Ну а палка, конечно же, нам пригодится,
чтоб похитить у Бабы Яги Царь-Девицу,
чтоб с Кощеем Бессмертным сразиться
и чтобы
нас не смог победить и обидеть никто бы.

До свидания! Мы отправляемся в Сказку.
Ну а вам оставляем ключей этих связку.
Если вы заскучаете и загрустите,
двери в Сказку откройте и нас навестите!

БИМ И БОМ

Жили-были возле речки
маленькие человечки:

крошка Бом и крошка Бим.
Каждый каждым был любим.

Вот идут они под ручку —
нарисуем закорючку.

Сели рядом у реки,
замахали в две руки.

— Что случилось, человечки?
— Пароход плывет по речке,

Запыхтел, убавил ход—
нарисуем пароход.

Вдруг из труб как дунет дым!
Где наш Бом? И где наш Бим?

Ой, Бим-Бом, Бим-Бом, Бим-Бом!
Кто-то по лбу стукнул лбом.

Искры сыплются из глаз!
Мы рисуем их как раз.

И от речки вкривь и вкось
Бим и Бом уходят врозь.

В краски кисть скорей макни:
пусть помирятся они!

Жорж СИМЕНОН

Повесть

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Глава первая

ДВОЕ С НАБЕРЕЖНОЙ БЕРСИ

Половина восьмого. Мегрэ вздохнул. Он был в кабинете шефа, и вздох его означал усталость и облегчение одновременно: так вздыхают грузные мужчины на исходе жаркого июльского дня. Он привычно вытащил часы из жилетного кармана, взял свои папки с бумагами со стола красного дерева. Обитая кожей дверь закрылась за ним, и он прошел через приемную. Ни души на красных креслах для посетителей, старый курьер за стеклами конторки, длинный коридор префектуры, освещенный лучами заходящего солнца,— все это он видит каждый день.

Он вошел в свой кабинет и сразу же почувствовал устоявшийся запах табака, хотя окна, выходящие на набережную Орфевр, были настежь открыты. Он сложил бумаги, выбил еще теплую трубку о подоконник и сел за стол; рука его машинально потянулась за другой трубкой, которая обычно лежала справа от него. Ее там не оказалось.

Всего у него было три трубки. Одна из них, пенковая, лежала у пепельницы. А самая любимая, та, которой он пользовался охотней всего, большая, чуть изогнутая вересковая трубка, подаренная ему женой десять лет назад ко дню рождения, исчезла.

Удивленный, он пошарил по карманам. Поискал на камине черного мрамора. Говоря по правде, он не очень тревожился. Нет ничего особенного в том, что он сразу не смог найти одну из своих трубок. Он снова оглядел весь кабинет, открыл дверцу стенного шкафа, где находилась эмалированная раковина умывальника. Искал он, как и все мужчины, бестолково: ведь этот шкаф он не открывал после обеда, а около шести часов, когда ему позвонил судья Комельо, во рту у него была та самая трубка.

Он позвонил курьеру.

— Скажите, Эмиль, кто-нибудь входил в мой кабинет, пока я был у шефа?

— Никто не входил, господин комиссар.

Снова проверил карманы пиджака и брюк. Его раздражало это бессмысленное топтание на месте, он вспотел, как и все толстяки в досаде.

Без двадцати восемь. А в восемь он обещал быть у себя дома на бульваре Ришар-Ленуар: сегодня они пригласили свояченицу с мужем. Что он должен купить по дороге? Фрукты. Совершенно верно. Жена посоветовала купить персики.

Вечер был душный, и на улице он продолжал думать о трубке. Это пустяковое, но необъяснимое происшествие, помимо воли, беспокоило его.

Он купил персики. Придя домой, поцеловал свояченицу, которая располнела еще больше. Налил гостям аперитив. Именно сейчас ему особенно захотелось подержать во рту свою любимую трубку.

— Много работы?

— Нет, все спокойно.

Такие времена бывали и раньше. Двое его коллег были в отпуске. Третий позвонил утром и сказал, что два дня не будет на службе: приехали родственники из провинции.

— Ты чем-то озабочен, Мегрэ,— заметила жена за ужином.

Но он не решился признаться, что его беспокоит история с трубкой. Конечно, ничего серьезного не случилось. И все же...

Да, это было в два часа с минутами. Он сидел в своем кабинете. К нему зашел Люкас, доложил о недавнем ограблении, сообщил, что в семье инспектора Жанвье ждут еще одного ребенка. Потом, сняв пиджак и ослабив галстук, Мегрэ спокойно писал рапорт по поводу одного самоубийства, которое приняли было за убийство, и курил свою любимую трубку.

Затем привели Жежена, мелкого сутенера с Монмартра, который пырнул ножом работавшую на него девицу. По его словам, он лишь чуть-чуть «пощекотал» ее. Но Жежен и не подходил к столу. К тому же он был в наручниках.

После обеда Мегрэ не выходил из кабинета, даже не выпил обычную кружку пива в ресторане на площади Дофин.

Позвольте-ка, приходила еще та женщина... Как ее звали? Кажется, Руа или Леруа... Она явилась без вызова.

Эмиль доложил:

— К вам женщина с сыном.

— В чем дело?

— Она ничего не говорит. Требует пропустить ее к шефу.

— Пусть войдет.

Случайно у него выдалось свободное время, иначе бы он ее не принял. Разговору с ней он не придал значения и сейчас с трудом припоминал детали.

Женщина — пожалуй, все-таки мадам Леруа — села прямо против него. С несколько чопорным видом, как свойственно людям, старающимся держаться с достоинством. Ей было около сорока пяти, и она была из тех женщин, которые, старея, как бы высыхают. Мегрэ же предпочитал тех, которые с годами полнеют.

— Я пришла к вам, господин директор...

— Директора сейчас нет. Я комиссар Мегрэ.

Вот и припомнилась деталь. Женщина и глазом не моргнула — вероятно, не читала газет и ничего о нем не слыхала. Она оскорбилась, что ее не смог принять директор сыскной полиции лично.

Юноша, на которого Мегрэ сначала не обратил внимания, напротив, встрепенулся, глаза его заблестели, и он с жадным интересом принялся рассматривать комиссара.

Так. Теперь нужно припомнить, что рассказывала эта женщина. А говорила она так много! И настойчиво, как говорят люди, которые придают значение каждому своему слову и опасаются, что их не примут всерьез. Это особенно свойственно женщинам под пятьдесят...

Впрочем, она не совсем ошибалась. Мегрэ слушал ее рассеянно.

Она вдова. Овдовела несколько лет назад — пять или шесть, Мегрэ забыл. Во всяком случае, уже давно, так как сокрушалась, что ей одной трудно было воспитывать сына.

— Я все для него делала, господин комиссар.

Ну разве можно внимательно выслушивать то, что повторяют все женщины примерно этого же возраста при таких же обстоятельствах, повторяют гордо и смиренно... Еще что-то было связано с ее вдовством. Что именно? Ах, да...

Она сказала:

— Мой муж был кадровым офицером.

А сын ее поправил:

— Унтер-офицером, мама. Он служил интендантом в Венсенне.

— Нет уж, извини... Когда я говорю, что он был офицером, я знаю, что говорю. Если бы он не умер, если бы он не загубил себя, работая за начальников, вовсе того не стоивших, он непременно и своевременно стал бы офицером. Потому что...

Припоминая этот разговор, Мегрэ не забывал о трубке. Напротив, он уже старался припоминать все подробности разговора. Например, он уверен, что слово «Венсенн» как-то было связано с трубкой: он курил ее, когда это слово было произнесено. Впрочем, позже речь о Венсенне уже не заходила.

— А где вы живете?

Где-то за набережной Берси, в Шарантоне. Он мысленно представил себе эту широкую набережную, вдоль которой тянулись склады, а у берега — грузовые баржи.

— У нас маленький двухэтажный домик между кафе на углу улицы и доходным домом.

Юноша сидел в углу кабинета и держал на коленях соломенную шляпу. Да, у него была соломенная шляпа.

— Мой сын не хотел, чтобы я обращалась к вам, господин директор. Простите, господин комиссар. Но я ему сказала: «Ты ничем не провинился, и нет никаких оснований для того, чтобы...»

Какого цвета было ее платье? Черное, с лиловатым отливом. Такие платья носят женщины в годах, претендующие на элегантность. Шляпа довольно сложной конструкции, вероятно, не раз переделанная. Она с удовольствием слушала себя и выражалась высокопарно: «Можете себе представить, что...» или «Общеизвестно, что...»

Мегрэ перед разговором с ней надел пиджак и теперь изнывал от жары, его клонило ко сну. Ну и наказание! Как он жалел, что сразу же не направил ее в комнату инспекторов!

— Возвращаясь домой, я уже не раз замечала, что кто-то побывал там в мое отсутствие.

— Вы живете вдвоем с сыном?

— Да. И сначала я даже подумала, что это он. Но все это происходило в часы, когда он занят на работе.

Мегрэ взглянул на молодого человека. Тот, казалось, был недоволен разговором. Еще один тип, хорошо ему знакомый. Наверняка лет семнадцать. Худой рыжеватый верзила, на лице прыщи и веснушки.

Скрытный? Возможно. Мамаша чуть позже сама сказала об этом; есть люди, которые любят дурно говорить о своих близких. Во всяком случае, застенчивый. Он сидел, упорно уставившись в ковер. Но когда никто не смотрел на него, бросал быстрые взгляды на Мегрэ.

Парню было явно не по себе. Он, конечно, злился на мать, что она пришла в полицию. Возможно, он немного стыдился матери, ее претенциозности, ее болтливости?

— Чем занимается ваш сын?

— Он парикмахер.

На это юноша заметил с горечью:

— У моего дядюшки парикмахерская, и поэтому мама вбила себе в голову, что...

— Нет ничего постыдного в том, что ты парикмахер. Я хочу только сказать, господин комиссар, он не смог бы улизнуть во время работы. К тому же я сама убедилась в этом.

— Не хотите ли вы сказать, что заподозрили своего сына и следили за ним?

— Именно так, господин комиссар. Но я никого конкретно не подозреваю, я просто знаю, что мужчины способны на все.

— Что же ваш сын мог делать без вас в доме?

— Не знаю.

И, помолчав:

— Может быть, приводил женщин? Три месяца назад я нашла в его кармане записку от девчонки. Ах, если бы его отец...

— А почему вы уверены, что в ваш дом кто-то наведывается?

— Это сразу чувствуется, господин комиссар. Открыв дверь, я сразу могу сказать...

Что ж, не слишком научно, зато вполне убедительно. Мегрэ сам замечал такое.

— Ну, а еще?

— Разные мелкие признаки. Например, дверца платяного шкафа, которую я никогда не запираю на ключ, оказалась запертой. На один поворот ключа.

— В вашем шкафу есть какие-нибудь ценные вещи?

— Я держу там одежду, постельное белье, кое-какие семейные сувениры. Но ничего не пропало. Вы ведь это имеете в виду? И в погребе один из ящиков тоже оказался передвинутым.

— А что в нем было?

— Пустые стеклянные банки.

— Словом, у вас ничего не пропало?

— Не думаю.

— А когда примерно вам стало казаться, что в ваш дом наведываются?

— Примерно три месяца назад. Но мне не кажется, я уверена в этом.

— А сколько раз, по-вашему, проникали в ваш дом?

— Всего раз десять. После первого раза не приходили долго, что-то около трех недель. А может, я не замечала. Потом два раза подряд. Затем опять никого не было недели три или даже больше. И вот уже несколько дней, как визиты следуют один за другим. Позавчера, например, когда была гроза, я обнаружила на полу мокрые следы.

— Мужские или женские?

— Скорее мужские, но я не уверена.

Она говорила еще массу других вещей. Говорила вообще очень много, без всякой на то нужды. Например, в прошлый понедельник, выходной день сына, она повела его в кино. Таким образом, он находился под ее надежным наблюдением. Все послеобеденное время они провели вместе. Вернулись домой тоже вместе.

— И, представьте, приходили.

— И тем не менее ваш сын не хотел, чтобы вы обращались в полицию?

— Именно, господин комиссар. Этого-то я и не могу понять. Ведь он тоже видел следы.

— Вы видели следы, молодой человек?

Он предпочел не отвечать и сидел насупившись. Может быть, это означало, что его мать преувеличивает, что она не совсем в своем уме?

— Вы не заметили, каким путем гость или гости проникали в ваш дом?

— Думаю, что через дверь. Я никогда не оставляю окна открытыми. А чтобы пробраться со двора, надо перелезть через высокую стену и пройти соседними дворами.

— Вы не обнаружили каких-нибудь следов на замке?

— Ни царапинки. Я осмотрела его через увеличительное стекло моего мужа.

— У кого-нибудь есть ключ от вашего дома?

— Нет, ни у кого. Он мог бы быть у моей дочери (молодой человек заерзал на стуле), но она живет в Орлеане с мужем и двумя детьми.

— У вас с ней хорошие отношения?

— Я всегда ей говорила, что ей не следовало выходить замуж за это ничтожество. Кроме того, мы не видимся...

— Вас часто не бывает дома? Вы сказали, что вы вдова. И пенсия, которую вы получаете от военного ведомства, вероятно, недостаточна...

— Я работаю,— сказала она скромно, но с достоинством.— Сначала, то есть сразу же после смерти мужа, у меня были жильцы. Двое. Но мужчины слишком нечистоплотны. Если бы вы видели, в каком состоянии они оставляли свои комнаты!

С этого момента Мегрэ уже не слушал ее, и тем не менее теперь ему отчетливо вспоминались не только ее слова, но даже интонация, с какой они были произнесены.

— Вот уже год, как я служу компаньонкой у мадам Лальман. Это весьма достойная дама, мать врача. Она живет одна у шлюза в Шарантоне, как раз напротив нас, и каждый день после обеда... Мы скорее приятельницы, вы понимаете?

Говоря по правде, Мегрэ это было совершенно безразлично. Возможно, перед ним была одержимая. Это его не интересовало. Но, несомненно, она принадлежала к категории людей, которые вынуждают вас напрасно терять время. И тут вошел шеф, вернее, он заглянул в кабинет и по виду посетителей сразу определил, что дело пустяковое.

— Можно вас на минутку, Мегрэ?

Они вышли в соседнюю комнату и несколько минут говорили о разрешении на арест, только что полученном по телеграфу из Дижона.

— Торранс займется этим делом,— сказал Мегрэ.

В это время во рту у него была трубка, но не любимая, а другая. Любимую он, скорее всего, положил на стол, когда ему немного раньше позвонил судья Комельо.

Он вернулся в кабинет и стал перед окном, сложив руки за спиной.

— В общем, у вас ничего не украли, мадам?

— Думаю, что ничего.

— Следовательно, вы не намереваетесь заявлять о краже?

— Я не могу этого сделать, потому что...

— Вам просто кажется, что последние месяцы и особенно последние дни во время вашего отсутствия кто-то проникает в ваш дом?

— И один раз даже ночью!

— Вы видели кого-нибудь?

— Я слышала.

— Что вы слышали?

— В кухне упала чашка и разбилась. Я тут же спустилась вниз.

— Вы были вооружены?

— Нет. Я не боялась.

— Там никого не было?

— Там уже никого не было. Осколки валялись на полу.

— А кошки у вас нет?

— Ни кошки, ни собаки. Животные разводят такую грязь!..

— Пролезть к вам кошка не могла?

Молодой человек на стуле терзался все больше:

— Мама, ты злоупотребляешь терпением комиссара Мегрэ!

— Итак, мадам, вы не знаете, кто бы мог проникать к вам, и не имеете ни малейшего представления о том, что могли бы искать в вашем доме?

— Понятия не имею. Мы всегда были честными людьми и...

— Если вам нужен мой совет, смените замок. Тогда посмотрим, будут ли продолжаться таинственные визиты.

— А что же полиция?..

Но он уже выпроваживал их. Шеф ждал его в своем кабинете.

— На всякий случай я пришлю к вам завтра одного из моих сотрудников. Установим наблюдение за вашим домом. Но, помимо этого, я, право же, не представляю...

— Когда он придет?

— Вы мне говорили, что по утрам бываете дома.

— Да, разве что выйду в магазин.

— Десять часов вас устроит?.. Значит, завтра в десять часов. До свидания, мадам. До свидания, молодой человек.

Мегрэ нажал кнопку звонка. Вошел Люкас.

— Это ты?.. Завтра к десяти пойдешь по этому адресу. Узнай, в чем там дело.

Он не был убежден, что это нужно. Полицейская префектура, как и редакции газет, притягивает к себе маньяков и помешанных.

И теперь, стоя у окна у себя дома и вспоминая этот разговор, Мегрэ ворчал:

— Негодный мальчишка!

Без сомнения, это он стащил трубку со стола.

— Ты не ложишься?

Мегрэ стал укладываться спать. Настроение у него было хмурое. Постель казалась жаркой, простыни — влажными. Он еще поворчал немного перед тем как заснуть. А утром проснулся не в духе, как это бывает, когда засыпаешь с неприятными мыслями. К тому же небо было затянуто тучами и начинало парить.

До набережной Орфевр он добрался пешком, шел вдоль Сены и раза два машинально пытался найти в кармане свою любимую трубку. Тяжело вздыхая, он поднялся по пыльной лестнице. Эмиль встретил его словами:

— Вас ждут, господин комиссар.

Он заглянул в зал ожидания и увидел мадам Леруа. Сидя на краешке обитого зеленым бархатом стула, она была готова в любое мгновение вскочить. Она его заметила, бросилась к нему. Вид у нее был чрезвычайно возбужденный и встревоженный. Вцепившись в лацканы его пиджака, она воскликнула:

— Ну, что я вам говорила? Они приходили этой ночью! А мой сын исчез! Теперь-то вы мне верите? Ах, я сразу почувствовала, что вы принимаете меня за сумасшедшую. Я не настолько глупа. И вот теперь вы убедились?..

Она судорожно рылась в своей сумке, вытащила носовой платок с голубой каемкой и торжествующе помахала им.

— Вот... Разве это не доказательство? У нас в доме нет платков с голубой каемкой. Тем не менее я нашла его у кухонного стола. И это еще не все!

Мегрэ мрачно оглядел коридор, где царило утреннее оживление, на них стали уже оборачиваться.

— Пройдемте со мной, мадам,— вздохнул он.

Досада какая! Он чувствовал, что это случится. Он толкнул дверь своего кабинета, повесил шляпу на обычное место.

— Садитесь. Слушаю вас. Вы говорите, что ваш сын?..

— Этой ночью мой сын исчез, и сейчас я не знаю, где он и что с ним.

Глава вторая

ДОМАШНИЕ ТУФЛИ ЖОЗЕФА

Было трудно понять, что эта женщина думала о судьбе своего сына. Только что в префектуре, внезапно разрыдавшись, она говорила сквозь слезы: «Я уверена, что они его убили. А вы за все это время ничего не сделали. Уж не воображаете ли вы, будто я не догадалась, что вы обо мне подумали? Вы приняли меня за сумасшедшую. Ну да! А теперь его убили. И я осталась совсем одна, без всякой поддержки». Теперь же, в такси, катившем под пышными кронами деревьев на набережной Берси, лицо ее прояснилось и глаза снова заблестели, она говорила: «У него есть слабость, господин комиссар. Он не может устоять перед женщиной, как и его отец, причинивший мне столько страданий!»

Оказалось, что за пределами Парижа, на территории Шарантона набережная носила то же название — Берси. Но деревьев больше не было. На противоположном берегу Сены виднелись заводские трубы, а здесь тянулись склады, всевозможные здания, построенные еще в то время, когда тут была сельская местность. На углу улицы — ресторан, вывеска ядовито-красного цвета с желтыми буквами, несколько железных столиков, две бочки с чахлыми фикусами.

Мадам Руа — нет, Леруа — засуетилась, постучала по стеклу:

— Это здесь. Прошу простить за беспорядок. Незачем вам говорить, что я и не думала делать уборку.

Она поискала ключ у себя в сумке. Дверь была окрашена в темно-коричневый цвет, а стены — в грязно-серый. Мегрэ тем временем успел осмотреть замок, следов взлома не было.

— Входите, прошу вас. Вы, наверное, захотите осмотреть все комнаты. Вот, пожалуйста, осколки чашки на том же месте, где я их нашла.

Она не лгала, утверждая, что у нее чистота. Нигде ни пылинки. Порядок чувствовался во всем. Но, боже, как все это было убого! Более того, уныло. Узкий коридор, выкрашенный в коричневый и желтый цвет. Коричневые двери. Обои, наклеенные по меньшей мере лет двадцать назад, совершенно потеряли первоначальный цвет.

Женщина говорила без умолку. Возможно, она говорила и тогда, когда оставалась одна, поскольку не могла выносить тишины.

— Меня особенно удивляет то, что я ничего не слышала. А сплю я так чутко, что за ночь несколько раз просыпаюсь. Эту же ночь я спала, как убитая. Может быть, мне...

Он взглянул на нее.

— Вы думаете, вам подсыпали снотворное, чтобы вы крепче спали?

— Нет, этого не может быть! Он не посмел бы этого сделать! И зачем? Скажите, для чего бы это ему понадобилось?

Неужели она готова снова распалиться? То она обвиняет своего сына, то представляет его как жертву. Мегрэ двигался медленно и вяло. И, словно губка, впитывал в себя все, что делалось вокруг. Женщина ходила за ним по пятам, следила за каждым его жестом, взглядом, подозрительно всматривалась в него, стараясь понять, о чем он думал. Люкас также наблюдал за начальником, сбитый с толку этим следствием, которое казалось ему даже не легкомысленной, а просто глупой затеей.

— Направо столовая. Но когда мы одни, а это большей частью так, мы едим на кухне.

Она бы крайне удивилась и даже возмутилась, узнав, что Мегрэ повсюду машинально ищет свою трубку. Он стал подниматься по лестнице, еще более узкой, чем коридор. Лестница вздрагивала, ступени скрипели. Она шла за ним, давая пояснения по дороге.

— Жозеф занимал комнату слева... Бог мой! Я сказала занимал, будто бы...

— Вы ни к чему не притрагивались?

— Ни к чему, клянусь вам. Постель, как видите, раскрыта. Но я готова поручиться, что он не спал на ней. Мой сын спит очень неспокойно. По утрам его простыни бывают смяты, одеяло часто валяется на полу. Случалось, что он громко разговаривал и даже кричал во сне.

Комиссар приоткрыл дверцу платяного шкафа.

— Все его вещи здесь?

— В том-то и дело, что нет. Если бы они были все в комнате, на стуле висели бы костюм и рубашка.

Может быть, юноша, услышав шум ночью, спустился в кухню и там на него напал таинственный гость или гости?

— Вчера вечером вы видели его в постели?

— Я всегда прихожу поцеловать его на ночь. И вчера я пришла как обычно. Он был уже раздет. Его вещи были сложены на стуле. Ну а ключ...

Видимо, у нее мелькнула какая-то мысль. И она снова принялась объяснять:

— Я всегда уходила снизу последней и сама закрывала дверь на ключ. А ключ держала в своей комнате, под подушкой, чтобы...

— Ваш муж часто не ночевал дома?

— Один лишь раз, и то после трех лет нашего брака,— ответила она с благородным возмущением.

— И с тех пор вы стали прятать ключ у себя под подушкой?

Она не ответила, но Мегрэ был уверен: за отцом следили так же строго, как и за сыном.

— Итак, сегодня утром вы нашли ключ на месте?

— Да, господин комиссар. Я сразу об этом как-то не подумала, но потом вспомнила. Видимо, он не собирался убегать, не правда ли?

— Минутку. Значит, ваш сын лег спать. Затем он встал и оделся.

— Смотрите, его галстук валяется на полу. Он не повязал галстук!

— А где его башмаки?

Она живо обернулась в угол комнаты, где стояли две пары сильно поношенных штиблет.

— Башмаки здесь. Он ушел в домашних туфлях!

Мегрэ по-прежнему искал трубку и нигде не находил ее. Впрочем, теперь он уж и сам точно не знал, что ищет. На всякий случай он осмотрел убогую комнату, где жил молодой человек. В шкафу висел синий костюм, его «выходной костюм», который он мог надевать только по воскресеньям, и пара лакированных туфель. Было еще несколько рубашек, все заношенные, не раз чиненные. Начатая пачка сигарет.

— А трубку ваш сын не курил?

— В его возрасте я бы не позволила ему. Недели две назад он пришел домой с маленькой трубкой, какими торгуют на ярмарках. Я у него вырвала ее и бросила в печь. Его отец в свои сорок пять лет не курил трубку!

Мегрэ вздохнул и перешел в комнату мадам Леруа, которая продолжала причитать:

— Вы уж не обессудьте, я не успела убрать свою постель!

Она была назойлива до тошноты.

— Наверху мы спали первые месяцы после смерти мужа, когда у нас были жильцы. Скажите, пожалуйста, а что вы думаете обо всем этом, ведь на нем не было ни башмаков, ни галстука?..

И Мегрэ раздраженно:

— Я ничего не знаю, мадам!

Уже два часа Люкас тщательно обыскивал дом, осматривал все закоулки, и всюду за ним следовала мадам Леруа, ее голос не умолкал ни на минуту:

— Смотрите — вот этот ящик однажды был выдвинут. Тогда перевернули стопку белья на верхней полке.

За окном палило солнце, его жаркие, густые лучи походили на расплавленный мед. Но в доме было сумрачно, вечные потемки. Мегрэ окончательно стал похож на губку, он уже не в силах был следовать за своими спутниками.

Уезжая из префектуры, он поручил одному из инспекторов позвонить в Орлеан и выяснить, не была ли замужняя дочь мадам Леруа последнее время в Париже...

Но едва ли это могло навести на след.

Можно ли предположить, что Жозеф тайком от матери сделал себе ключ? Но если так и он намеревался сбежать этой ночью, почему же он не надел галстук и тем более ботинки?

Мегрэ точно узнал, со слов мадам Леруа, какими были домашние туфли Жозефа. В целях экономии она сшила их сама из кусков старой материи. А подметку вырезала из войлока.

Все здесь было бедно. И бедность эта была тем более мучительна, тем более невыносима, что в ней не хотели признаваться.

А прежние жильцы? Мадам Леруа рассказывала о них: первым пришел по ее объявлению, выставленному в окне, старый холостяк, служащий фирмы Сустеля, оптового торговца вином, склад которого Мегрэ заметил, проезжая по набережной Берси.

— Вполне приличный человек и воспитанный, господин комиссар, если можно назвать хорошо воспитанным человеком того, кто вытряхивает свою трубку где попало. К тому же у него была мания вставать по ночам, он спускался вниз и подкреплялся

наливкой. Однажды ночью я поднялась и увидела его на лестнице. Он был в нижнем белье. И все же он был человек образованный.

Вторая комната была вначале занята каменщиком, или, как она говорила, подрядчиком, но ее сын обязательно поправил бы это громкое определение. Каменщик ухаживал за ней и хотел во что бы то ни стало на ней жениться.

— Он все время говорил мне о своих сбережениях, о домике в Монлюсоне, куда он хотел увезти меня, когда мы поженимся. Заметьте, что я ни в чем не могла упрекнуть его. Когда он возвращался после работы, я говорила ему:

— Помойте руки, мсье Жермен.

И он шел к крану умываться. Как-то в воскресенье он зацементировал двор и лишь после долгих уговоров принял плату за цемент. Затем каменщик уехал, видимо, разочарованный. Его место занял некий Блюстейн.

— Иностранец. Он хорошо говорил по-французски, но с легким акцентом. Он был коммивояжером и ночевал лишь раз в неделю.

— А у ваших жильцов был ключ?

— Нет, господин комиссар. В то время я всегда бывала дома. А если выходила, прятала ключ за водосточной трубой, и они знали, где его найти. Как-то мсье Блюстейн не появлялся целую неделю, в его комнате я нашла лишь старую зажигалку, сломанную расческу и совершенно рваные простыни.

— Он вас не предупредил?

— Нет. И все-таки это был тоже хорошо воспитанный человек.

Несколько книг лежало возле швейной машинки в углу столовой. Мегрэ небрежно полистал их. Это были дешевые издания. Главным образом приключенческие романы. На полях книг часто попадались монограммы, выведенные то карандашом, то чернилами: «Ж» и «М». Причем «М» почти всегда намного больше, старательнее выписанное, чем «Ж».

— Вы знаете кого-нибудь, чье имя начиналось бы с буквы «М», мадам Леруа? — крикнул он в сторону лестничной клетки.

— С «М»? Нет, что-то не припоминаю. Впрочем, золовку моего мужа звали Марселла, но она умерла от родов в Иссудене.

Был полдень, когда Люкас и Мегрэ наконец вышли на улицу.

— Чего-нибудь выпьем, патрон?

И они зашли в маленькое бистро с красной вывеской на углу улицы. Оба были в скверном настроении. Люкас выглядел особенно мрачным.

— Ну и дыра! — вздохнул он.— Кстати, я обнаружил вот эту записку. Отгадайте, где? В пачке сигарет этого парня. Должно быть, до смерти боялся матери и свои любовные письма прятал в пачках сигарет.

Это действительно была любовная записка.

«Мой дорогой Жозеф, ты меня так расстроил вчера, сказав, что я тебя презираю и никогда не выйду замуж за такого человека, как ты. Ты ведь хорошо знаешь, что я не такая и что я люблю тебя так же, как ты меня. Я верю, что ты непременно станешь кем-нибудь. Но прошу тебя, не жди меня больше так близко от магазина. Тебя заметили, и мадам Роза, которая сама делает то же самое, но шпионит за другими, уже что-то подозревает. Впредь жди меня у метро, но не завтра, потому что за мной зайдет мама и поведет меня к зубному врачу. Прошу тебя, ничего больше не выдумывай. Целую тебя так же нежно, как и люблю.

Матильда».

— Так вот она! — сказал Мегрэ, перебирая записи в своем бумажнике.

— Кто она?

— «Ж» и «М» — такова жизнь. Так "это" начинается. А кончается в маленьком домике, в котором будут царить одиночество и покорность судьбе. Как только я подумаю, что этот негодник слямзил у меня трубку...

— Вы действительно думаете, что у вас ее украли?

Чувствовалось, что Люкас не верил в это, как и во все россказни матушки Леруа. Ему уже претила вся эта история, и он не понимал поведения патрона, который строил бог знает какие догадки.

— Если б он не стянул мою трубку...— начал Мегрэ.

— Ну и что? Что это доказывает?

— Тебе не понять. Я был бы спокойнее. Гарсон, сколько я вам должен?

Они ждали автобуса, глядя на почти пустынную в обеденный час набережную: подъемные краны замерли, протянув неподвижные руки к небу, и баржи, казалось, заснули.

Уже в автобусе Люкас спросил:

— Вы не зайдете домой?

— Я хочу заехать в префектуру.

И вдруг рассмеялся коротким смешком, не выпуская мундштук трубки изо рта.

— Бедняга... Мне вспомнился этот унтер, который, возможно, один раз в жизни изменил жене и остаток своих дней проводил ночь взаперти в собственном доме!

* * *

Пока в полицейских архивах разыскивали всех Блюстейнов, когда-либо имевших дело с правосудием, Мегрэ занимался текущими делами, а Люкас большую часть времени проводил в переулках около площади Республики.

Гроза так и не разразилась. А жара становилась все более невыносимой. Парило. Раз десять по меньшей мере Мегрэ инстинктивно протягивал руку за своей пропавшей трубкой и каждый раз ворчал:

— Проклятый мальчишка...

Дважды он осведомлялся по телефону:

— Нет новостей от Люкаса?

Не так уж сложно было опросить сослуживцев Жозефа Леруа в парикмахерской. И найти таким образом Матильду — ту, что писала ему нежные послания.

Сначала Жозеф стащил трубку Мегрэ. Затем тот же Жозеф, хотя и одетый, но в домашних туфлях — если их можно назвать туфлями,— прошлой ночью исчез.

Мегрэ прервал чтение какого-то протокола, попросил телефонистку соединить его с архивом и спросил с непривычным для него нетерпением в голосе:

— Ну, как дела с Блюстейнами?

— Ищем, господин комиссар, тут их целая куча, настоящих и мнимых... Проверяем даты, место жительства. Во всяком случае, мы пока еще не нашли никого, кто проживал бы в это время на набережной Берси. Как только что-нибудь обнаружим, сразу же сообщим.

Наконец появился Люкас. Он обливался потом. Видимо, перед тем как подняться в префектуру, он проглотил кружку пива в ресторане на площади Дофин.

— Все в порядке, патрон. Но не легко это было, уверяю вас. Наш Жозеф — престранный тип, который неохотно посвящал других в свои секреты. Вообразите, длинный парикмахерский зал. Пятнадцать или двадцать кресел перед зеркалами и столько же мастеров. С утра до вечера там толкучка. Люди входят, уходят. «Подстригите», «вымойте голову», «набриолиньте»...

— Жозеф? — спросил у меня хозяин.— Прежде всего, какой Жозеф? Ах, да. Прыщавый. Ну и что же? Что натворил этот Жозеф?

Я попросил разрешения задать несколько вопросов его служащим. И вот пока я переходил от кресла к креслу, все они шушукались, посмеивались и переглядывались.

— Жозеф? Нет, мы никогда не выходили вместе. Была ли у него девчонка? Возможно... Хотя, с такой рожей...

Снова хихиканье.

— Был ли он откровенен? Чурбан — и тот откровеннее. Молодой человек стыдился своей профессии и не снисходил до нас — всякой шушеры.

— Видите, патрон, в каком тоне они со мной разговаривали. К тому же приходилось ждать, пока каждый отпустит клиента. Хозяин уже начал ворчать, считая меня слишком назойливым. Наконец, я добрался до кассы. Кассирша — женщина лет тридцати, вся в завитушках, спросила меня игриво и даже мечтательно:

— Жозеф наделал глупостей?

— Да нет же, мадемуазель, напротив. Не знаете, были ли у него знакомые девушки где-нибудь?..

— Нельзя ли покороче? — проворчал Мегрэ.

— Хорошо,— ответил Люкас.— Если вы хотите повидать малышку, сейчас самое время туда отправиться. Словом, через эту кассиршу Жозеф получал записки от Матильды, когда она не могла прийти на свидание. Записка, которую я нашел в сигаретах, вероятней всего, была написана позавчера. Обычно мальчишка-рассыльный вбегал в парикмахерскую, совал записку кассирше и шептал: «Для мсье Жозефа». К счастью, кассирша видела, как этот рассыльный входил в галантерейный магазин на углу бульвара Бонн-Нувель. Вот так я и нашел наконец Матильду.

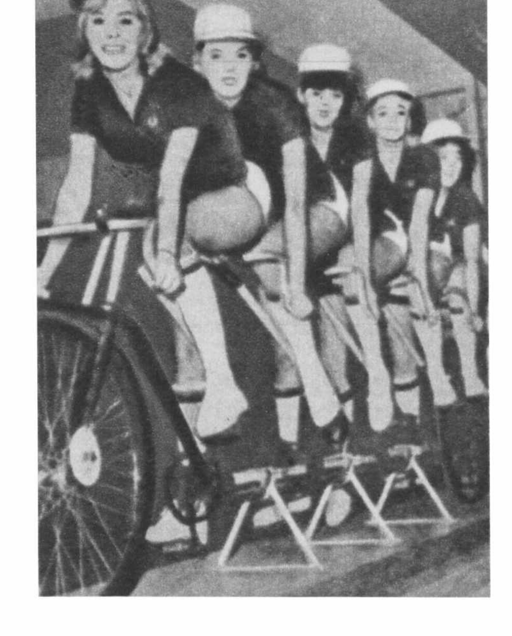
— Ты ей что-нибудь сказал?

— Она даже не подозревает, что я ею занимаюсь. Я просто спросил у хозяина магазина, есть ли у него служащая по имени Матильда. Он показал мне ее за прилавком и хотел позвать ее. Я же попросил его ничего никому не говорить... Сейчас половина шестого. Через полчаса магазины закрываются.

(Окончание следует.)

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ВЕЛОСИПЕД БАБУШЕК И ДЕДУШЕК

Велосипедная промышленность возвращается к моделям 1900 года. На международной выставке велосипедов и мотоциклов в Лондоне одна фирма демонстрировала пятиместный велосипед, имевший успех у наших бабушек и дедушек.

◄ ПОМОЩНИКИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЕК

Австралийский инженер Шольц сконструировал два электронных робота в помощь домашним хозяйкам. Роботы могут подметать и натирать полы.

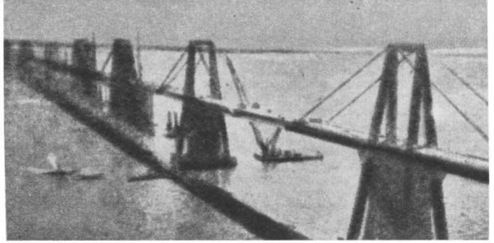

◄ ПТИЧКА В ШЛЯПЕ

В Лондоне выпущена новая модель дамской шляпы под названием «Птичка в золотой клетке». Этот шедевр представляет собой фантастическое нагромождение разных предметов, до птичьей клетки включительно. На смотре моделей в Лондоне шляпа получила первую премию.

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ ►

Часам на башне городской площади югославского города Трогира более трехсот лет. Хотя механизм сделан вручную, часы идут точно.

ТАКСИ НА ДВУХ КОЛЕСАХ

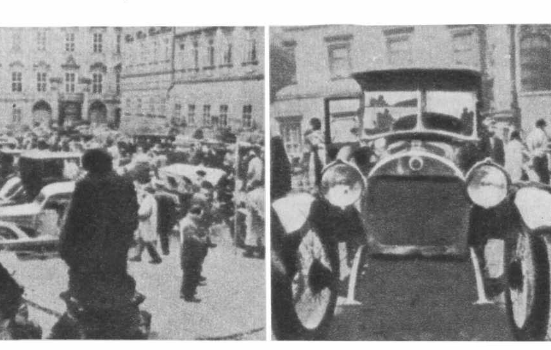
Многие зарубежные туристы, посещающие город Мадура (Индия), пользуются оригинальным такси — арбой на высоких колесах, запряженной мулом. ▼

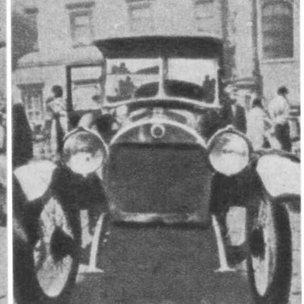
СЛЕТ ВЕТЕРАНОВ

В Праге состоялся показ старых автомобилей. На одной из площадей города было собрано сорок машин моделей 1900 — 1928 годов. ▼

МОСТ ЧЕРЕЗ ОЗЕРО

Недавно в Венесуэле закончилось строительство моста через озеро Маракайбо. Длина моста — десять километров.

ТРАДИЦИЯ ОХОТНИКОВ

Южная Моравия в Чехословакии славится своими охотничьими угодьями. Со всех концов мира съезжаются туда заядлые охотники в традиционных костюмах. Охотник, которого вы видите на снимке с фазаньим пером на шляпе, приехал из Швеции. ►

ЧЕТЫРЕ БЛИЗНЕЦА

Эти две английские девочки — близнецы. Они снимаются в кинофильме «Позвольте жить животным». Их партнеры — львята Ока и Ванго — тоже близнецы.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

Иван **ОСТРИКОВ**

Денег я не боюсь. Если бы собрать все суммы, которые прошли через мои руки за двенадцать лет работы счетоводом, вероятно, получилось бы страшно длинное астрономическое число. Я никогда не задумывался над тем, что же реально представляют для меня эти суммы,— просто переносил цифры из одной графы в другую. И не размышлял о том, что бы мог купить или сделать, имея такие деньги. Словом, был к ним профессионально безразличен.

Совсем другое дело — деньги в их будничном виде. Эти банкноты и монетки действуют совершенно иначе. Тогда каждому ясно, за какой срок их заработал и на что потратил. Но и это не столь существенно.

Самое главное для меня — отношение к деньгам людей. В связи с этим хочу подчеркнуть, что не следует человеку иметь безграничную веру к людям, когда вопрос касается денег.

Мы с Тошо сидим на работе один против другого больше семи лет. В результате стали понимать друг друга с одного взгляда, а иногда даже без такового. Возникла некая гармония в характерах, несмотря на то, что я натура нервная и сентиментальная, а Тошо — человек уравновешенный.

Однажды Тошо вызвали к директору. Он быстро вернулся и сказал, что кассир внезапно заболел, а сегодня нужно выдавать зарплату. Поэтому директор предложил нам отправиться в банк, получить деньги и раздать.

— И ты согласился? — спросил я.

— Согласился. Почему бы нет? — отвечает Тошо со своим неизменным спокойствием.— Если ты не хочешь, скажи директору, он пошлет кого-нибудь другого.

Понятно, я к директору не пошел, потому что он человек с усами. Я заметил, что люди с усами имеют в характере нечто испанское. Они вспыльчивы. С такими людьми вообще предпочтительно не спорить. По форме усов можно даже определить некоторые дополнительные нюансы характера. Так, обладатели тонких, закрученных усиков предпочитают нападать неожиданно и с тыла, тогда как носители широких и прямых применяют открытый фронтальный удар. Наш директор был чем-то средним, так что можно было ожидать удара и с фронта и с тыла.

Вдвоем с Тошо в сопровождении милиционера прибыли в банк. Там кассир выложил перед нами кучу пачек различных банкнот. Я хотел пересчитать каждую пачку, но мне сказали, что нет времени: сзади уже толпилась очередь кассиров из других предприятий.

— Можете пересчитать на заводе,— сказал мне кассир.— Мы коллеги и никогда друг друга не обманываем.

Уложили деньги в чемоданчик, припасенный на этот случай. Это же был не лев и не два, а 747 043,60 лева! Навсегда запомню эту фатальную сумму.

И вот мы идем по улице, я несу чемоданчик. Совсем обыкновенный чемоданчик, с которым ходят в баню. Иду и вижу, как все на меня глядят. Каждый момент ожидаю, что кто-нибудь кинется на меня и вцепится в ручку. Но я не собирался легко сдаваться. «Буду сражаться, как тигр! — думалось мне.— К тому же и милиционер при оружии». Чтобы предотвратить внезапность, все время оглядываюсь назад. Садимся в трамвай, а там битком. Рука, державшая чемоданчик, прямо-таки окостенела. Пока добрались до завода, рубашка моя стала мокрой.

Перед кассой стояла группа рабочих из ночной смены, ожидавших зарплату. Увидев нас, они обрадовались, а я на них посмотрел чуть не со злобой. Подумаешь, не могли подождать день-другой до выздоровления кассира! Нет, подавай им деньги сейчас!

Мы с Тошо заперли двери и начали пересчитывать деньги. Слюним пальцы, считаем, ошибаемся и начинаем сначала. Снаружи рабочие время от времени стучат в двери — поторапливают нас. Я им даже не отвечаю.

Все оказалось в ажуре, только в пачке по пятьдесят левов было одной бумажкой больше. Тошо посмотрел и засмеялся.

— Хоть не напрасно мучаемся,— заметил я.

Впервые за семь лет Тошо меня не понял. Поморщился и сказал:

— Довольно глупых шуток. Открой окно, а то жара несусветная.

Я отворил окно. В этот момент в дверь постучали твердо и настойчиво, и мы услышали голос директора:

— Когда вы там сосчитаете? Сколько еще вас люди ждать будут?

— Сейчас, товарищ директор,— отвечаем хором.

Разложили деньги на столе, приготовили ведомость, и я пошел открывать дверь.

Это был один из ужаснейших моментов моей жизни. До сих пор при воспоминании мурашки по спине бегают.

Произошло следующее. Когда я открыл дверь, потянуло таким сквозняком, что вихрь, ворвавшийся в комнату, подхватил деньги со стола, и пестрое облако полетело в коридор, полный людей. Послышались веселые возгласы.

Я похолодел. Как сумасшедший, выскочил наружу и закричал, чтобы милиция блокировала помещение и всех обыскала. Тошо хотел мне что-то сказать, но я его не слушал. Тут меня кто-то весьма неласково дернул за рукав. Я увидел встопорщившиеся усы директора.

— Что ты делаешь?! — прошипел он.— Это же люди, не разбойники!

Сокрушенный, я сел за стол. Снаружи входили люди, несли целые пригоршни банкнот и клали передо мной. Тошо складывал их в чемоданчик. Начали выплату. Рабочие подходили, расписывались, брали деньги и улыбались. А у меня кровь из сердца капала.

«Смеешься, братец,— думаю,— а сам уж, небось, напихал в карман сотенных!» Время от времени посматриваю в чемоданчик и вижу, как убывают деньги и для всех наверняка не хватит. А ведомость все гуще заполнялась подписями. Потерял я представление о времени. Руки дрожат. Чувствую, как по спине катятся холодные ручьи. И жалею дитя. Горько будет расти ему сиротой, зная, что отец его в тюрьме сидит.

В какой-то момент народ схлынул. И мы сверили наличие с ведомостью.

Вышло точно до лева. Я, как обалделый, кинулся обнимать и целовать Тошо. Но тот был недоволен.

— Печально,— говорит,— значит, кто-то все же прихватил бумажку. Ведь нет тех лишних пятидесяти левов.

— Не бойся, тут она,— засмеялся я и похлопал себя по карману.— Будет на что обмыть это дело!

Тогда Тошо, не говоря ни слова, влепил мне пощечину. Сдачи я не давал, потому что человек воспитанный, а не хулиган. До сих пор с ним не разговариваем.

Вот и говорю я вам, что когда вопрос касается денег, вера в человека не должна быть безграничной. Так-то!

Перевел с болгарского
Г. АНТОНОВ.

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

«Жалоба тов. Агафонова о нерегулярной доставке журнала «Огонек» проверена. Установлено, что действительно журнал доставлялся нерегулярно по вине работников узла связи г. Клайпеда. В настоящее время все номера журнала «Огонек» доставлены подписчику Агафонову.

Работники, допустившие несвоевременную доставку журнала, строго предупреждены. Вопрос об улучшении доставки журналов обсужден на общем собрании работников доставочной службы.

Заместитель начальника управления общей эксплуатации Министерства связи Литовской ССР В. Мицка».

* * *

«Просьба тов. Бакуль удовлетворена. Подписка на журнал «Огонек» принята с января на квартал.

Начальнику отделения связи тов. Первак А. Ф. за нарушение прав подписчика, выразившееся в отказе приема подписки на журнал «Огонек» на три месяца, объявлен выговор.

Начальник областного отдела «Союзпечати» г. Черкассы, УССР, А. Ярмоленко».

И. А. УРАЗОВ

Треть века, изо дня в день, с утра до вечера, а порою и ночью в одной из комнат «Огонька» кипела работа. Горы гранок, цветные пробы обложек и вкладок, эскизы макетов, и надо всем этим, казалось бы, непостижимым хаосом — дым, дым десятков папирос, которые нещадно искуривал хозяин кабинета, неугомонный Измаил Алиевич Уразов.

«Огонек» трудно было представить без Уразова, как и Уразова без «Огонька». Измаил Алиевич отдавал себя журналу безраздельно, со всей страстью и преданностью художника-журналиста.

Измаил Уразов — это история советской журналистики. Почти полвека его имя не сходило со страниц советской прессы. Десятки макетов новых журналов создал он. Сотни коротких новелл из истории русского слова он написал. Художник, писатель, журналист...

И вот он ушел от нас. Но его благородный труд, его дело живет в его учениках, в его книжках, в «Огоньке».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Река в Казахской ССР. 6. Плитка из спрессованного материала. 9. Поэма К. Ф. Рылеева. 10. Горизонтальное перекрытие судна. 12. Русский живописец. 14. Порт Чили. 16. Государство в Африке. 18. Разменная монета Аргентины, Боливии, Бразилии. 19. Ряд клавиш в пишущей машинке. 22. Населенный пункт в Древней Руси. 23. Инициалы, связанные общим рисунком. 24. Раздел книги, статьи. 26. Поморская высокобортная лодка. 28. Сильный ветер со снегом. 29. Свод партий многоголосного музыкального произведения. 30. Обезьяна. 31. Американский ученый.

По вертикали:

1. Морской пейзаж. 2. Почтовое отправление. 3. Приток Енисея. 4. Отрезок прямой, имеющий определенное направление. 7. Стебли злаковых культур после обмолота зерна. 8. Конусообразная гора с кратером. 11. Песня венецианских лодочников. 13. Арифметическое действие. 15. Штат США. 17. Рыба рода дальневосточных лососей. 18. Автор картины «Зимний взят!». 20. Древнегреческий философ. 21. Образцовое изделие. 24. Областной центр в РСФСР. 25. Азербайджанский писатель. 27. Цветная полоса, получаемая при разложении светового луча. 28. Герой кинотрилогии режиссеров Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга.

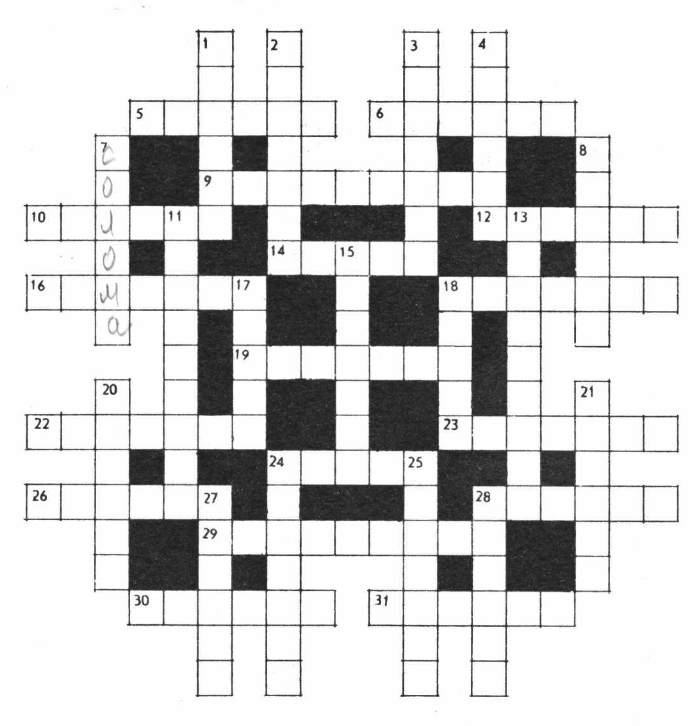
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Череповец. 10. Гондола. 11. Сметана. 12. Якорь. 13. Нарцисс. 15. Квартет. 16. «Отверженные». 19. Асафьев. 20. Секатор. 21. Брадлей. 22. Устрица. 26. Конструктор. 28. Материк. 29. Радищев. 30. Посол. 31. Горнист. 33. Кварцит. 34. Фаворский.

По вертикали:

1. Вега. 2. Чебоксары. 3. Померанец. 4. Рейс. 6. Ботаника. 7. Домино. 8. «Мещане». 9. Интерьер. 14. «Современник». 15. Конденсатор. 17. Вагай. 18. Стриж. 21. Бергамот. 23. Академия. 24. Стетоскоп. 25. Футболист. 26. Кирпич. 27. Радиан. 32. Трал. 33. Крит.

На первой странице обложки: Когда на дворе метель...

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: По следу.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01917. Подписано к печати 27/I 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 934 000. Изд. № 6. Заказ № 4.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

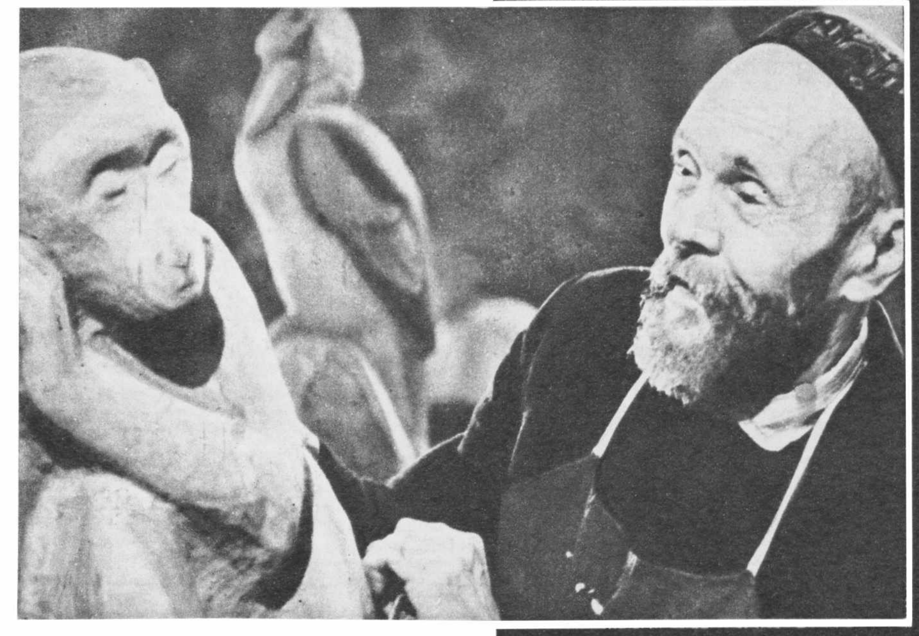
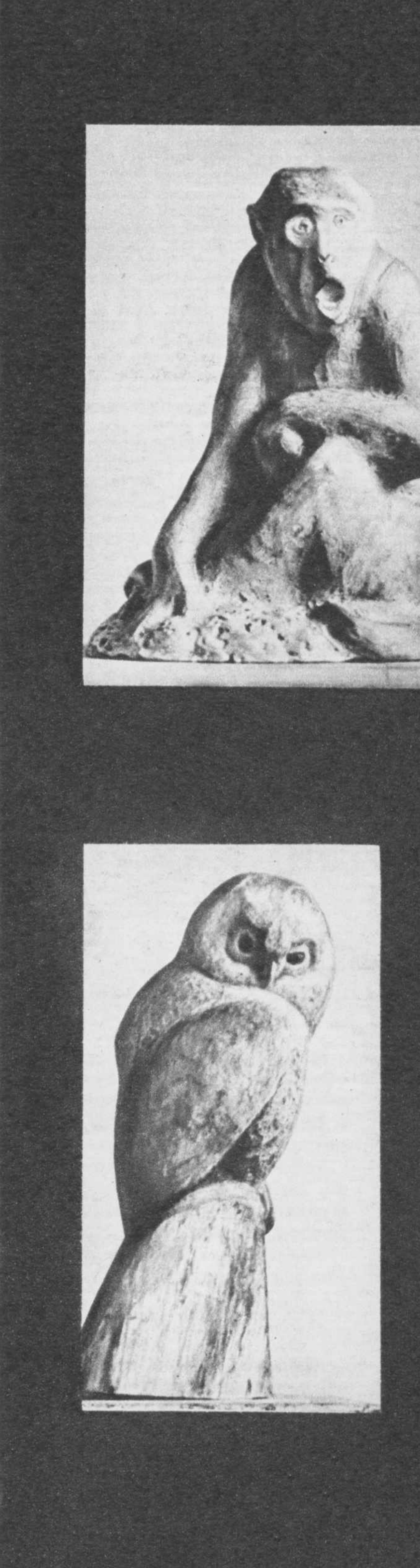

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Когда я шла в мастерскую анималиста Ватагина, то все загадывала, каких увижу там животных... Мне было интересно, как они живут у художника: в клетках или, может быть, на воле,— это я видела у других анималистов. Представьте мое удивление: там не оказалось ни одного живого зверя, ни одной птицы!..

Я прошла через небольшой, тесно заставленный коридор и очутилась в мастерской. Василий Алексеевич — человек небольшого роста, очень бодрый и подвижной,— ему, конечно, никак не дашь его восьмидесяти лет,— очень гостеприимно, приветливо принял нас.

Всегда он любил рисовать животных: в детстве копировал зверей и птиц из энциклопедии Брема; больше всего любил изображать слонов и обезьян. Позже стал посещать художественную студию Мартынова в Москве, потом немного учился у Юона. А после окончания школы поступил в Московский университет на биологический факультет.

Здесь ему было интересно. Он углублял свои познания о животных и продолжал рисовать их. Еще студентом Ватагин стал иллюстрировать научные труды многих профессоров-биологов. А когда окончил университет, его направили рисовать знаменитый Неаполитанский аквариум.

Покинув Италию, художник возвращался в Россию через Грецию, Францию... И, посетив знаменитые музеи мира, вдруг ощутил, что все, к чему он прежде стремился,— это еще не искусство. Особенно его поразила скульптура Древнего Египта: одухотворенные боги-животные в предельно скупых формах передавали образ.

— Вот это мое!— решил Ватагин.

Возвратившись в Россию, он начал работать в наиболее выразительном материале — дереве.

Ватагин потратил много лет на борьбу с давно усвоенными методами копирования. И тогда появились интересные самобытные произведения — появилось искусство...

У художника есть целая серия работ, посвященная обезьянам. Очень выразительны эти обезьяны: они смеются, огорчаются и вообще похожи во многом на людей. Это стремление как бы «очеловечить» животных никогда не покидает скульптора. Вот его «Белая медведица с семьей»: чем-то она похожа на почтенную мамашу, а медвежата прямо-таки по-детски трогательны!

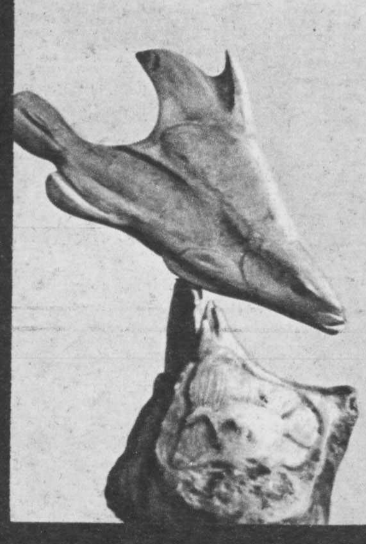
Ватагин обладает еще одним качеством: он всегда умеет в природном материале увидеть приметы живых существ. Так возникла целая флотилия стремительно летящих рыб. Художник сделал их из кусков расколовшегося пня.

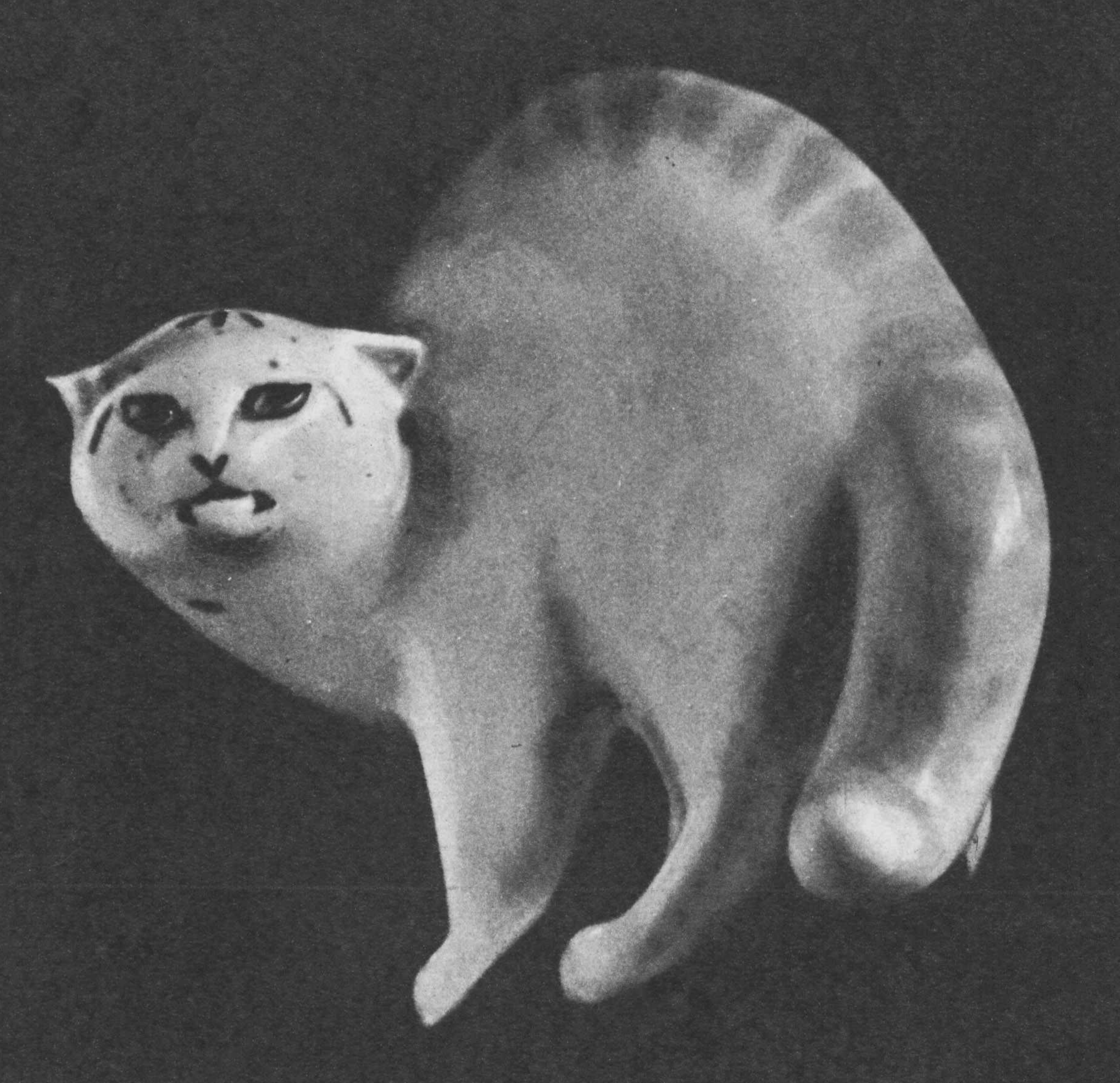
Василий Алексеевич ведет большую педагогическую работу; он стремится и своим студентам привить любовь к миру животных.

М. СЕРАПИОНОВА

ЗВЕРИ СКУЛЬПТОРА ВАТАГИНА

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663